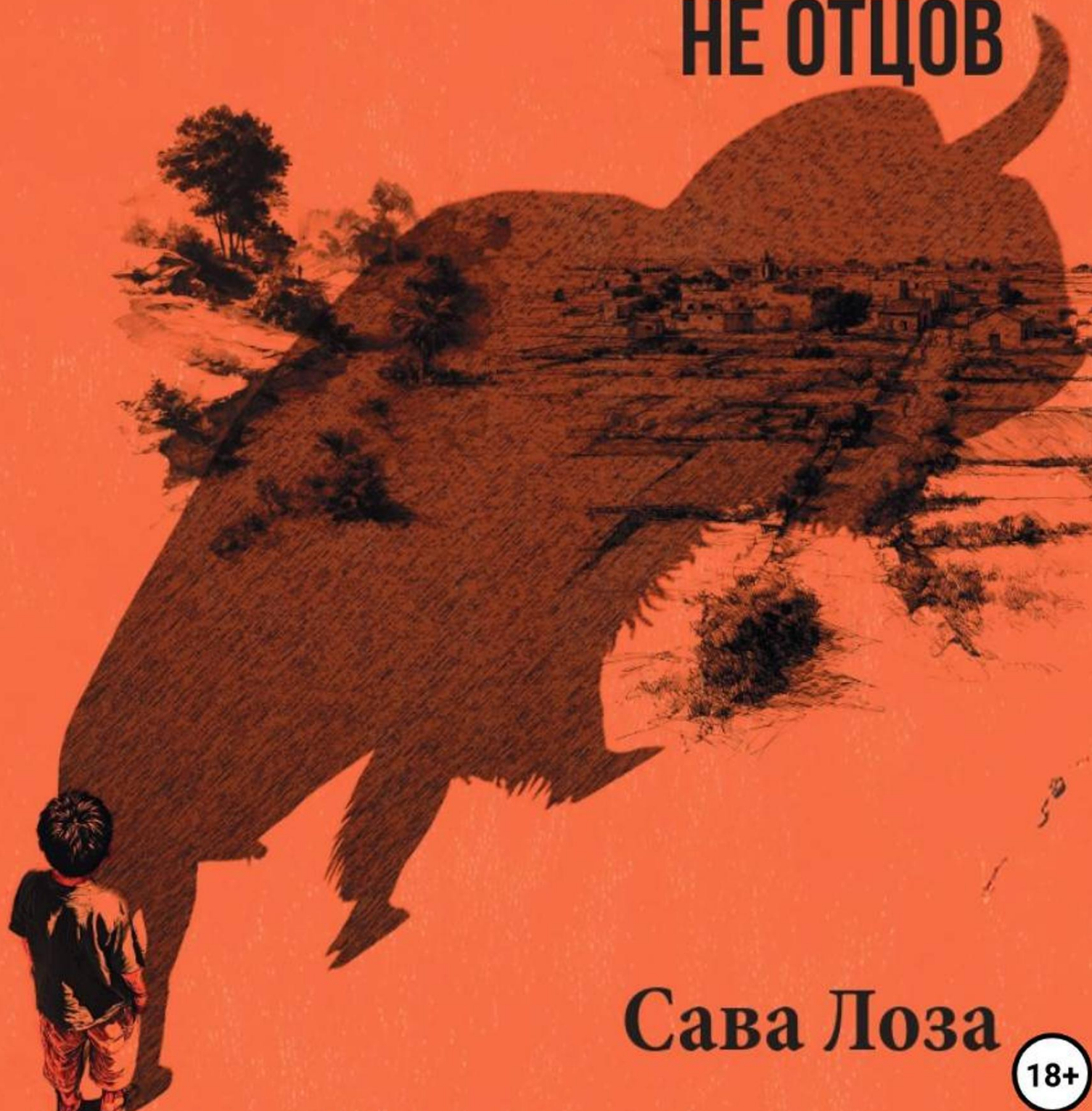

ПЛАЩ ИЗ ШКУРЫ БИЗОНА, ИЛИ ГОРОД НЕ ОТЦОВ

Сава Лоза

18+

Сава Лоза

Плащ из шкуры бизона

«Автор»

2025

Лоза С.

Плащ из шкуры бизона / С. Лоза — «Автор», 2025

Я не должен рассказывать об этом всем подряд. В 12 лет, вдали от мамы, трудясь за ломоть хлеба на томатном поле родного дяди, я стал причастен к ограблению его дома. "Богатые своды мексиканской фермы... О, как вы притягательны для бандитов." Грабеж томатных владений, выстрелы с жертвами, погоня в бычью сельву, из плена которой не возвращаются... Трагедии можно было избежать. Вот только знать бы о магической шкуре бизона, висящей веками на стене западного крыла. О шкуре, способной оживлять и умертвлять. "Забираясь без спросу в чужой дом, внимательно присмотришься к старым молчаливым стенам, быть может их бдительность научит тебя стучать, прежде чем войти."

© Лоза С., 2025

© Автор, 2025

Сава Лоза

Плащ из шкуры бизона

ЧАСТЬ 1

Глава 1. Я – Густаво

Покидая плато Мехико, автомобили с трудом стряхивают с себя городской пыльный палантин, который не смывается в мегаполисе и под муссонными ливнями. Но стоит отдалиться миль на пять, воздух освежится, исчезнут пробки и будет легче дышать. Голубой простор открылся у местечка бигфута с вывеской гоночного болида «Драгстер». Сразу за кафе находилась заправка Пемекс. Водитель остановился для дозаправки, и следующие сорок миль не было ничего, кроме больших грузовиков и большого солнца. Пронырливый шар следил за моим соседом-толстяком. Набрякшая щека мужчины прижала сплошную занавеску. Он дремал весь путь, иногда открываясь свету. Во всем автобусе не нашлось бы более прохладного места, чем в его тени. Я примял пакет с польворонами, водой и билетом в скоп – под переднее сиденье на сумку, а сверху положил ноги. Мама бы засандалила по заднице за грязную подошву. К матери найти подход несложно. Старик, к которому мы держим путь, – с ним придется воевать.

На землянистом участке пути автобус тряхнуло, отделив путешественников резвым подскоком. С этой минуты я стал внимательнее к окружающим. К тому же встряска открыла ощущение, что за мной наблюдают. Я обернулся. В самом хвосте, в проходе, прибитая коробками, сидела девочка. Ее черные буйные волосы, стянутые набок толстой резинкой, слегка растрепались, прическа обрамляла часть выпертого лба и будто срезанного подбородка. В момент, когда мои глаза изучали ее желтые лосины, пассажирка скомкала рукава спортивного худи, которые болтались по бедрам, и попрятала их под низ живота, где в раскрытом виде лежала книга. Я осматривал ее, а она уперлась в меня взглядом.

– Chale! [1] – произнес я вслух, а мое тело вывернулось обратно в северное направление. Стыд пролился по телу, пока не оказался в пятках. Только скромностью не добьешься впечатлений. Вытянув шею, я приподнялся на изголовье, чтобы вновь взглянуть на читательницу. Девичье лицо забрало бы медаль у самого образцового камня. Так что же мы там листаем? «Гражданский кодекс». Бред какой. Соплячка года на два старше меня. Ковыряя в грязном ногте, я осознал, что последним добровольным чтением я почтил страницы сказки о волшебном луке.

Духота притомила, я задремал, проматывая во сне последние дни. В голове мелькали неутомонно говорливые каналы в телевизоре, которые на два часа каждого вечера забирали моего отца вслед за восьмичасовым рабочим днем. Зимой 1994 года американский президент Клинтон подписал важное североамериканское соглашение о свободной торговле, тогда главу семейства Перес можно было застать в гостинной и за ночными сеансами. Отец работал на компанию, производящую гальванические элементы, одним словом – батарейки. Двенадцать лет Роджелайо наблюдал за сыном, как за элементом, потребляющим большой ток. Бросая под руку журналы с электроникой, он свято верил, что любовь к его делу прививается сама собой. В выходные заглядывали гости, отец сажал сына на публику, тряс перед коллегами и приятелями детским худым прожилком, восхваляя гибкие, подходящие для полезных дел пальцы.

– Пусть сейчас костяшки не толще пятивольтовой батарейки, но в будущем эти руки дадут мощь! Юношей и я фасовал литий по коробкам. Теперь вот – начальник!

Кроме скучающего лица, мне нечего было отцу преподнести. Взрослея, я оставался отстраненным и одиноким и не вынимал из ушей Misfits [2]; ради схожести с солистом окрасил волосы в кислотно-зеленый; как и отец, паялся в экран, переключая обрюзгших демагогов

в костюмах на комедийные шоу Джорджа Карлина и Ричарда Прайора. Мама подростковых увлечений не понимала: юношество считала временем непослушания отцов, а вид одомашненного слизняка, знающего глупые шоу наизусть, представлялся ей невыносимым. И потому мать совершила пакость, которую я не мог ожидать. Наверное, она устала убирать за мной помойку в комнате. А что отец? Может, он испытывал неизвестные мне угрызения совести и поэтому решил заменить себя мной. Но все по порядку.

Дела папы шли как нельзя лучше, он получил грин-карту и должность разработчика литиевого продукта на производстве литиевых батареек. «Powerandtechnology», пустившая корни по двум американским континентам, переманила ведущего инженера от более мелкого мексиканского производителя. «Powerandtechnology» одной из первых заработала на свободной торговле, приглашая к труду людей, никогда не видевших доллар. Весна того же года, изнурительное беспокойство, терзающее Роджелайо Переса, поугасло. Наконец переезд из Мексики в страну свободы состоится.

– Сейчас, Роджелайо. Нужно выезжать немедленно! – утверждала телефонная трубка.

После звонка работодателя из Нью-Мехико начал собираться и чемодан Федерико-Густаво. Вот только не в Америку, а в мексиканскую глушь, к старшему сводному брату отца – Винсенто, мать его, Пересу. «Что мальчишке делать с этим вонючим овощеводом?» Отчаяние действительно было столь сильным, что я позволил себе говорить гадости про человека, которого я видел один раз в жизни, когда проводил июльский месяц 1988 года на томатной ферме сеньора Переса. Родители не могли взять обузу сразу, считая полезным для подростка ближе познакомиться с дальним родственником.

– Винсенто – занятой человек, ему дела до тебя нет. Упреешься в телевизор, да сиди макай лохматой зелены в колу.

Я знал, что отец одобрял мой новый кислотно-зеленый цвет волос, но он подыгрывал матери для того, чтобы выставиться образцовой мексиканской семьей.

– Дай-ка упомяну ваш телефонный разговор. Нет, не вспомнить. Вы не общаетесь, отец. Никогда!

Помешать задумке не суждено. Я прекрасно отдавал себе отчет: твердый голос отца – боеприпас редкий, но убивает наверняка. Тем не менее сдаваться здесь никто не намеревался.

– Телик у старика хоть цветной, кабельное в доме проведено?

Отец удовлетворил мой интерес, сказав, что я не буду разочарован.

Еще вчера я мечтал о будущем в новой стране, представлял себя в классе. Мне снились флаг и как это сказать – *pizarrá*[1]. А теперь судьба отправляла меня на шаг назад, в пыльный Сакатекас, к незнакомому родственнику. Город с трудом найдется на карте штата, настолько он безызвестен и мал.

В первый майский день мы с отцом очутились на горбе междугородней автобусной станции. Отец на ходу запихивал меня в автобус снова, настаивая не сходить с места на перекур, не иметь разговоров с чужими и не привлекать внимание. Путешествие в одиночку – опасная вещь: карманники-аферисты, пьяное дурачье. Но были вещи пострашнее жулья – подступающий страх одиночества. Расставание на целое лето – непостижимо! Мать не провожала сына, поскольку просолила лицо страданием. Переживать из-за разлуки сеньоре Перес придется острее мужчин. Отец запер жену на замок, втолкнув в дверь нашей квартирki и хитростью вытащив ключи из дамской сумки. Мама кидалась, билась, выворачивала замок, говорила, что передумала лететь с негодяем Пересом и помчится за малышом на край света.

– Четыре месяца! Сыночек, не смогу, не смогу!

Обман она отцу не простит. По крайней мере, пока тот не купит хороший подарок.

Так я и очутился в автобусе с тесным салоном. Повсюду крошево пыли (даже на потолке), сидения провоняли сигаретами; от бесчисленных голов жирно блестит жаккард. Болезненно провести в пути пять часов, слушая скрипучие седла и тархтящих теток. Это слишком. Всего

пару часов назад томящаяся группа решила, что провожатый слишком возится и пора бы ему убраться. Мужчины и женщины запыхтели, сеньоры посмелее просили словами:

– Давай, мальчик, будь хорошим ребенком, садись на свое чертово место!

– Э-э, амиго, еще увидите, – опомнился наконец не следящий за временем водитель, от которого давно ожидали решительных мер. – Отправляемся.

Отец кивнул водителю и наскоро обнял меня, похлопав по спине пакетом с польворонами, который держал все это время привязанным к мизинцу.

– До свидания, Федерико-Густаво. Я позвоню. Будь мужчиной.

Я закатил глаза, плюхаясь на сиденье подле толстяка.

– Чемодан задвинь под ноги, а лучше...

– Иди уже, папа.

Проснулся я на съезде с федеральной трассы, уже в штате Сакатекас. В сорока минутах от Альма де ля Терра, в городе-двойнике Хересе, в автобус вошли новые пассажиры-безбилетники. Водитель позволил людям ехать стоя за дополнительные песо. Преклонного возраста сеньор присмотрел мое место, чтобы в удобстве доесть завернутую в газету вареную рыбу. Пришлось уступить. Развернув газетный сверток, он обнаружил, что панировка на чахлом палтусе поплыла, источая неприятный запах. Старик огорчился, привстал и швырнул обед с душком в открытую форточку. Рыба улетела, хвостатый стойкий шлейф остался.

Что я мог думать? Будь ты проклят, Херес!

Испанские алебастры и адоме Хереса теперь сменились индейскими широтами прерии. В обозримом пространстве, в радикально строгой пустоте не хватало зеленых деревьев и водяных бомб, заряженных на каждой крыше мексиканской хижины. Вскоре автобус приблизился к действительно мертвой, безлюдной Мексике из пустырей, холмов, с брошенных земель которых и начиналась Альма де ля Терра.

Перед самым городком раскинулись поля голубой агавы, на которых не трудились мексиканцы, и Агава распустила «павлиний хвост» сорняком. Сколько их здесь – этих павлинов... Выбираются на асфальт, сопровождая разметку трассы от Мехико до Дуранго. На той же протяженной дороге стоит Альма де ля Терра. По левой стороне от вывески «Bienvenido a Alma de la Tierra [4]» находился участок без названия – очевидно, кладбище животных, а за ним и пристанище для мертвецов. Неподалеку, собственно, и поставщик животных тел – шатер для бойцовских петухов. Пробираясь к центру города, я заметил полицейский участок, похожий на большой контейнер для мусора, на другой стороне – авениды, уродливый бетонный торговый центр с названием «Пума Пункту». Если не обращать внимание на обглоданный газон, парковку велосипедов с ездоками, оснащенными черными очками и винтовками, то колорит покажется знакомым. Скупщики торгуют прямо у порога официалов. Я еще не видел, чтобы под бюстом поэта Октавио Паса стелили электронную паленку. За голодной авенидой улица понаряднее. Яркие вывески на старинный лад привлекают богатых сеньор, которые, вальяжно выплывая из дверей лавочки серебряника, пришпоривают замком толстые сумки к пухлым запястьям. За поведением женщин со смехом наблюдают торговцы. Они, полулежа на стульях, играют в карты. Играют и продают сомбреро, пончо, змеиные пояса, кухонную утварь и лечебные снадобья... Им удобно. Мужики не хотят торговать, они желают упиваться свободой и радоваться, что горбиться на стройке или на поле в этой жизни им не придется.

Доехав до улицы Плата, уставшая пассажирская гурьба выпихнула одно маленькое туловище вместе с вещами за механизм едва раскрывшихся створок. Те, кто хоть и недолго, но были мне соседями, не обернулись, не извинились. Пусть катятся. Она – девочка с коробками – падения не видела. Это хорошо. Странствующая машина умчалась, бросая несчастного с вывернутой дорожной сумкой. Одежда, игрушки, зубная щетка превратились в пыльный скоп. Встать не получалось. Пусть растениевод решит: молодой гость ранен или убит. Сколь я могу пролежать вот так, голодный и обессиленный? Сквозь прищур виднелась ковровая листва, которую

отрастил шершавый саман громадины-дома. Коварное растение вот-вот нападет на труп мальчика. Я не возвел особняк, но мое лицо равным образом устилало зеленое полотно, только сотканное из волос.

В тот момент, когда за спиной пронесся мотоциклист, на затемненный порог вышел чернокожий, вдогонку которому летела тарелка. Она разбилась перед моим лицом. Бугай перешагнул через меня и смылся через дорогу. Я был в ужасе. Следом в дверях показался человек в платье: шляпа-тулум, рубаха-гуаябера, юбка. Глиняный горшок с кактусом ухватил край юбки, чуть не лишив сеньора одежды. Не испытывая смущения, человек легко спустил ступни, обутые в хуарачи, на одну ступень порога.

– Годзилла сонная, убирайся! – кричал хозяин дома, совершенно не обращая внимания на лежащего.

На освещенной деловой сорочке правого кармана поблескивал значок-лейка. Под рубахой, опоясывая бедра, завершил оборот узел простыни – мужчина спрятал его в кулак. Винсенто и прежде носил соломенную тулью, но эта была с узкими полями. За кругом сомбреро я смог разглядеть лицо: отторгающее, грубое. Человек совсем не похож на меня. Но *antepasados* [5]! Скупой облик, смягченный тонами уличного пейзажа, кажется, за целую жизнь не имел ни единого удовольствия. Кожа чернорабочая, фигура соответствующая. Щеки опали, впрочем, как и тяжелые усы, нос от рта отделяет полоса сажи. И глаза – эти глаза обречены. Они не мерцают, даже когда к ним обращается солнце.

– Эй, папоротник неряшливый! Поднимай барахло, а то погоню! Первое правило фермы: не захламлять мой дом, мою землю, мой стол!

Сообразить и последовать велению было бы самым разумным, но можно ли осознать приказ, когда прежде от тебя не требовали послушания?

– В паре кварталов отсюда разлагается барахольщик Тодео. Ступай, раздели его участь или делай, что сказано.

Непочтительный, недобрый родственник. Грубый сеньор не может называться никому семьей и даже другом. Мексиканец заслуживает свое одиночество. Обиженный на предков и на весь мир, я начал исполнять правило, не догадываясь, с чем еще придется мириться в пещерном холоде асьенды.

– Кто же непочтительно с одеждой обращается? Варвары. Отец твой горбатится, чтобы ты, как обезьяна, впихивал брюки в чемодан? Пластом складывай, аккуратно.

Дон Винсенто ловко подскочил, выдернул из-под моего локтя джоггеры. Он был так близко, что пришлось увидеть в его разговорчивом плоскогубом рту все еще хорошие зубы.

– Гляди-ка: просторнее становится, и не помнется. Господи, пыль стряхни, стирать же тебе – своими собственными руками.

– Руками? Почему?

– Потому что, зеленая твоя голова, стиральной машины у меня нет. А прачечная в городе погорела.

Много времени в Мехико я потратил на обдумывание приветствия, размышлял о том, стоит ли обнять сеньора или достаточно пожать ему руку. Как видно, фантазии о мире негодились. «Приглашай же в дом, жужжащая старая кастаньета!» Опустошенный и усталый, я хотел спать и есть.

Едва я вошел в гостиную, как неопознанное дымчато-синее существо с огненным физалисом в глазницах, сотрясая пол, устремилось ко входу, ухищренно посадив меня на колени и выбив из рук пожитки. Мгновения перед налетом, проведенные в исступлении, сменились недоумением: «Что это? Кто это?»

Чудовищный зверь, живое существо. Облизывало оно, как собака, и выглядело уродливой ожившей тенью. «Хватит, хватит», – я пытался найти убежище в воротае футболки, но в вырез уместился лишь мой нос. Сокрушительный пес не в себе. Его приступ нежности при-

нудил не высовывать пяточок, обороняться руками, укрываясь от пронырливого языка. Не понять мне собачников: неужели кому-то нравятся зубастые пасти с куском сырого мяса, которые лезут им в уши и глаза?

Минута – и волосы, и шея, и предплечья, и локти превратились в мокроту из ужасика «Капля». Теплый прием, ничего не скажешь. На госте не осталось сухого места, лысая энергия с ушами летучей мыши взвинченно покрутилась вокруг себя. Столько радости, надо же. От общего впечатления не сразу заметишь слабые задние лапы пса, а точнее, погодите... Должно быть четыре лапы: две под мордой, две под хвостом. В действительности же покривленный костыль, мышцы в тонусе – одна лапа, оплетенная другой, – не разобрать. Хвост – обрубленная морковка.

Вытирая слюни, я спросил сеньора, чем болеет собака.

– Агата, – пояснил он. – Собаку зовут Агата!

Перес прошел в открытую кухонную часть гостиной и ответил вопросом на вопрос: похоже, что кто-то в этом доме немощный? Я промолчал, ведь дом предстал передо мной, как пансионат для инвалидов.

– Худая копия Роджелайо. Скажи, зачем себя измором взял? – Винсенто уставился на меня, но смотрел словно сквозь. – Да, вылитая копия сводного братца. Фаустине выговор устный. Лепешка и кусок мяса всегда должны лежать в желудке у мужчины. Посмотри на себя – душа из тела сбегает.

– Что ты, сеньор. Мама и мясом, и кукурузой кормит.

А про себя я отметил: «Дай же скорее теплой пищи и ты!»

Старик, не напрягая живот, переставил ящик багровых шаров со столешницы на один из стульев с легкостью. Сесть мне до сих пор не было предложено. Переса волновало, почему вдруг Роджелайо понадобилось в Америку, собирается ли он получить гражданство в штатах и как его называть, когда гринго окажется на чужой земле, неужели «мистер»? Меньше сеньора волновало здоровье и благополучие новой американской ячейки.

Из простенькой немеблированной прихожей незаметными шажочками я, как голодный вор, приближался к зоне, где пахло едой. И кухня, и дом претерпели мало изменений. Справа небольшая столовая, слева – поварня. Потолок делят дубовые балки, меж ними старинная тяжелая люстра с ажурным металлом, а по краю люстры амулеты от сглаза и порчи. На стенах древние тарелки и барельефы с изображением индейцев. Пол разбит цветной плиткой: желтого, синего, черного и сливового цветов. Стены же исполнены в традиционном огненном тоне.

– Сеньор, где телефон? Могу ли я позвонить своим? Позвоним вместе? Папа будет рад...

– Телефон у двери.

– У двери? – я растерянно огляделся. – У которой двери?

– Вернись в прошлое, Федерико-Густаво. Дверь та, что приняла тебя.

Я поднял глаза, поправил челку. Под потолок уходил кукольный властитель в мантии – Святой Антоний. Чудотворца охраняли два чучела – человечки из грубой соломы; а подсвечивали жгутики свечей на подножке из свежих цветов и сухофруктов. Я воздуха не тронул, а вызвал оглушительное извержение ярости:

– Держись подальше от алтаря, подонок!

Сеньор Перес возился в раковине, но развернулся, чтобы как следует оскорбить меня. Несчастный, кроме готовки, взялся еще и за угрозы:

– Звони и не дыши. Горло, в узел закрученное этими руками, – Винсенто показал способные на удушье ладони, – обратно не развязывается.

Пока я боролся с комом в том самом горле, овощевод продолжил хозяйничать в кухне, жонглируя авокадо и помидорами. Я не успел обидеться, как гудки быстро прервал голос, по которому брошенный ребенок соскучился. Не хотелось говорить отцу, какой придурок его брат. Мне вообще не хотелось говорить при свидетелях.

– Сынок, сынок, тебя не обкурили в дороге? Голова не болит? – роптал взволнованный голос мамы, которая боролась с отцом за трубку. Ведала бы она: сигареты в доме Винсенто зажигают чаще кухонной плиты.

– Папа, передай маме, пускай не волнуется, я буду звонить. Обо мне позаботятся, – внезапно от лжи, или от мягкого голоса матери, или от тяжести характера будущего сожителя мне захотелось домой. Наскоро обрисовав сюжет путешествия и картину погоды, я прекратил связь.

Следует соблюдать правила дома, если есть хоть малейший шанс помочь родителям убраться из этой страны. Я выполз из-под телефона, показательно выпячивая на лице свое несчастье.

– С тебя 15 сентаво.

Я не знал, как отшутиться, думая, что меня дурачат.

– Смешно, сеньор.

– Какие шутки? Поговорил за чужой счет, будь добр – заплати.

Винсенто не смотрел на меня. Более того, он был отдан борьбе. Агата вцепилась в край кухонного полотенца, от которого пахло мясным бульоном, Винсенто держал другой край. С него таки скатилась плащаница, прикрывающая срам. Схватка продолжилась в трусах. Мужчина вел себя естественно, словно в доме были только он и собака. Я попытался вспомнить хоть какие-то слова, которые смогли бы сейчас помочь ответить так, чтобы родственник начал наше знакомство по-новому. Тщетно. Беззащитный и юный, я взял эмоциями.

– Да как же? Как же я... – слова не ложились, возмущение билось в зубы. – Почему не предупредил об оплате? Я бы не стал...

– Верно. Ты бы не стал звонить, – после этого раздался старческий хохот. Винсенто омерзительно кривил рот, смеясь и выкорчевывая что-то из коренного зуба. – Утаптывай давай от алтаря. Гляди: лепестки подношения дрожат. Избить бы тебя...

Сердце колотилось, живот затопил гнев. Бычий воздух рвался из моих ноздрей.

– Если полка хрупкая, тогда какого черта собаке дозволено скакать лошадью, а я должен отсчитывать на слух пульс? Я требую равного отношения!

Тишина повисла над троицей. Агата, что воротила полотенце, оставила его, задрала голову и уставилась на хозяина. Несколько потерянный, я был горд собой. С другой стороны, не рано ли заводить себе врага? Винсенто должным образом не отреагировал, не иначе, как назло, растворив мою смелость в смешливом пшике сдутых губ.

– Садись за стол.

Во все времена обеденные предложения поступают с целью разрядить гроыхающую бурю, созданную самими гроыхателями. Винсенто занял плетеный стул, на мой взгляд, самый удобный. Молча я проложил путь до стола, впредь не стесняя шаг. Смелостью был вымощен трамплин к вседозволенности, так зачем же отказывать ей?

– Какой дурак ставит ценности над башкой? Где логический фрагмент?!

– Федерико-Густаво! – прикрикнул старик в шляпе и ударил кулаком по столешнице, в момент разрушив то, за что он так отчаянно боролся: полка под статуэткой обломалась. На пол с ее середины посыпалась ритуальная декорация. Образец святости из литьевого камня склонился поперек склоченной рамы с намерением покинуть ее.

Как и большинство мексиканцев, будучи верующим человеком, дон Винсенто не мог допустить преступного отношения к покровителю животных. Все же случай по своим правилам живет, и сейчас он с руки Господа или дьявола подтолкнул фигуру. Страхом ошпаренный, Винсенто пустился к выходу. И не зря. Дешевая реплика, покачиваясь на широком основании, воспарила и опрокинулась, чудом оказавшись в руках мужчины. Винсенто сложил руки под грудного ребенка и обнял символ своей веры, перенес его в комнату, что за стеной кухни. Вернувшись в легком, свободном теле, старик встал передо мной и доверительно, с налетом счастливой улыбки, произнес:

– Знаешь, Густаво, а я вот сейчас услышал стук пульса. Не нужно тебе узнавать этот стук. Давай-ка ужинать, а перед тем поможешь прибраться здесь? И так тому и быть – первый звонок бесплатно.

***

Бессильно держа горячие кесадильи, я не отказался от мысли поизучать сожителя. Сейчас братец отца, представить невозможно, казался симпатичнее – не таким испорченным, каким хотел бы быть. Овощевод возился с пуговицей на рукаве, надеясь протащить колесико в узкую, хорошо обработанную оверлоком петлю, притом совершенно не подходящими, коснеющими кистями с остриженной вглубь ногтевой пластиной. В попытке производить серьезное впечатление дон не переставал по-деловому неприступно иногда поглядывать на сидящего через круг столешницы мальчишку. «Хитра затея», – было сказано не мне. Тогда он взял из портсигара (тот каким-то образом всегда оказывался рядом) табачную трубочку и закурил.

– Мне теперь нравится готовить, – досказано Винсенто все тем же ровным голосом. – Адриана великолепно готовила. Я бы не хотел забыть вкус ее блюд.

Это правда. Когда последний раз я гостил на ферме, жена землевладельца крутилась у плиты. Мужик готовил лишь вяленые помидоры.

Недурные закуски закончились, я почувствовал облегчение, оставалось ополоснуться и завалиться спать. Расстегивание манжета привело Винсенто к зеркалу напротив лестницы.

– Совладать с этими пуговицами просто невозможно. Ну-ка, Густаво, будь добр.

Я нехотя встал, на ходу обтер руки о задние карманы и взялся за пуговицы. В зеркале стояли натуры из разных жизней. Один – не взятый измором, сильный, дикий мексиканский вождь земли. Другой – белый ребенок, европеец, продукт бездарной политики и моды. Такое заключение выдаст обо мне дон. Покончив с пуговицами, хозяин дома вернул племянника на кухню, вскоре появившись в майке и шортах. Сменная одежда была не столь уважена, как требовали принципы плантатора, когда дело касалось чужих пыльных тряпок. Неглаженный трикотаж со следом от бельевой веревки. Похожий узор был на занавесках кухонного окна и окон гостиной. Мой разум облегчила мысль, что и в этом доме гладить одежду не придется.

[1] Слово показывает раздражение.

[2] Американская хоррор-панк группа.

[3] Добро пожаловать.

[4] Добро пожаловать в Альма де ля Терра.

[5] Не предок.

[1] Школьная доска

Глава 2. Пересы

Утренние слуги пробуждения работали на полную ставку. Сквозь еще одну мятую занавеску бесцеремонно врывались стрелы солнца и стон петуха. Одолевая ночной дрем, приоткрытый глаз был готов принять слепоту, но уши не принимали куриный вой. Будильники любого образа – страшное изобретение человечества. К счастью, цыпу глушила энергичная Ребекка Доминго из радио. У солнца конкурентов не так много. Оно вселяет энергию во все живое и неживое. Посмотрите, испанская красная комната преобразилась: стала больше и уютнее, несмотря на абсолютную чуждость. Мама бы всплеснула руками, сбросила защиту с осадненного окна, возрадовавшись доброму утру:

– Свернутые горы сулят новый день!

Сегодня и ближайшие сто лет я не буду просыпаться под ее ласковую чепуху. Закрепощенные тело и дух протестовали скрипучей хандрой в ответ на кряхтение пружинного матраса. Неудобно. Неприятно. Испанский шкаф и его дубовый брат – сундук с книжно-журнальной макулатурой – тоже показывали свое недовольство, вышвыривая пару изданий в ответ на запыханную с вечера сумку. Между тем, шевеля полотно, служащее заменой остекления, за окном стесненно кружились осы, перебивая цвет прыгающей по стене радуги.

Я все еще валялся в кровати, когда «нырнул» в прошлое, взглянув на композицию с фото на противоположной от окна стене. Снимки с конца XVIII века, уму непостижимо! Пожелтевшие карточки занимали верхушку дерева. Мексиканцы того времени хмурые, напуганные, дикие. Опускаясь ниже, поколение Пересов точно просыпается, становясь от года в год свободнее. Первый блекло-цветной снимок в цепочке родства поднял с постели. Двое юношей – два брата Винсенто и Роджелайо – стояли в обнимку, внизу темными чернилами было написано: «Дни миновали, карточки выцвели, другие осыпала крапина, но имя Пересов не запятнано».

Поодаль от дерева, на радужной стороне комнаты, пыталась обуздать ветвь туле молодая Адриана. Непосильная задача. Пусть ее растопыренные пальцы – длинные, цепкие, но им не обхватить столь могучую перекладину растения. Охраняет вертлявую девчонку покорное существо – смешной щенок лесной собаки. Пес усердно тянется белыми лапами к резвым пяткам хозяйки, которые тем временем убегают к пояснице. Парочка выглядит нелепо, пытаясь достигнуть каждый свою цель. Вот только ни переживания смотрящего, ни земное притяжение, ни оковы бронзовой рамки не в силах помешать юношескому пылу попытать удачу.

Любопытно, сеньору отбили от родового дерева из-за принадлежности к другой семье или она сама предпочла держаться подальше от унылого корневища?

Адриана заботилась о молодости асьенды, обставляя дом свежими цветами, амулетами, благовониями. А что сейчас? Непосещаемый музей воспоминаний. Документальная история возбуждает интерес. Я повелся на соблазнительную мысль: изучение хозяйства может стать отправной точкой к сближению двух мужчин. Спустившись на пару ступеней вниз, я окинул взором обеденную зону, возглавляемую старинными часами. Правее – пухлый холодильник у двери, слегка загораживающий окно. Осмотрел гостиную, обвешанную картинами, – их обязательно надо бы пошкрябать ногтем на предмет подлинности. Изучение приостановилось на диване – мебель заняла большую часть зоны приема гостей. В каком-то смысле мягкий, округленный дедушка-диван мне больше родственник, чем Винсенто. Лето далекого детства... Помню, как забирался на слишком мягкое изголовье, представляя себя капитаном подбитого корабля, а потом засыпал на подушках под песни Адрианы. Она пела о храбрых индейцах, о волшебных цветах, готовила гаспачо и рассказывала о бессмертном бизоне, который погиб у источника в этих краях.

***

Вещи не были распакованы. Осевшая дверца шкафа открывалась, царапая мансарду. Достав непомятый скоп одежды, я понял, в чем дело. За второй дверцей, покрытые тазом, засели три полки с зелеными помидорами. Помидор атаковал весь дом от кухни до дымохода. Проныры, любящие темницу, – одно, кусты с пасынками, шипами и пахучими листьями – другое. Паслен мной обнаружен в сундуке. Сейчас кому-то станет тесно. Попытка разместить пожитки не увенчалась успехом – ни боком, ни под, ни над.

– Под кровать суй барахло.

За спиной откуда ни возьмись появился он. Рядом меж ног вырисовывала восьмерку собака.

– Томаты не дозрели в жаре, росткам нужна комнатная температура, укуси олуха за задницу, Агата.

– Я не смирюсь. Я с вами не смирюсь, слышите? Чья возьмет, мы еще поглядим.

– С кем ты говоришь, Федерико-Густаво?

– С кустами. Они заняли сундук.

– И что, отвечают? Можешь переселить растения под кровать. Хотя, по правде говоря, взаперти они куда молчаливее.

***

Прямо от моей комнаты было незанавешенное окно, выходящее на свободное от соседа пространство. Дом прочен, красив, вместе с тем местами непрактичен. Лестница пронизывает

вертикалью этажи, стремясь от дымохода к подвалу. По незначительному наклону штурмовки затруднительно двигаться человеку, куда уж собаке-инвалиду. Следующий час был посвящен курсу обращения с собакой, а часовые стрелки между тем не добрались и до семи утра.

– Животное не следует спускать по крутой лестнице, заключая в надежные объятия. Занятие, скажу я, неудобное, неэффективное. Агата считает себя полноценной, и не надо ее в этом переубеждать!

На завтрак дон пожарил себе куриные яйца с красным перцем и помидорами, а мне достались отруби с холодной водой. От кушанья я отказался. За отказ получил нагоняй.

– Работа на земле отнимает силы. Без завтрака в сельской местности ты просто подохнешь.

Тогда я потребовал яйца и для себя, также попросив подсластить жизнь десертом. Не вслушиваясь в просьбу, деревенский, переодетый в карго, облегченный тулум и фартук плотника, удаляясь в глубину северного крыла, как бы невзначай бросил:

– Конфет нет и не будет. Жри сахар и дуй за сад, – слово в слово, обещаю, я донесу отцу.

Винсенто сервировал стол придорожной эстетикой: забитая солонка, салфетки из туалетной бумаги, вместо скатерти – располосованная ножом клеенка. Кухню нашей квартиры в Мехико украшает корзина фруктов, а тарелки обрамляют салфетки с вышивкой и столовые приборы. На главном столе дона отрава для кротов, сковорода без подставки, зажигалка с огнедышащим вараном, лохматая рабочая тетрадь. Я потянул за тетрадь, вытащил ручку из пружинного кармашка и по толще листа жирно нацарапал: «Viejo varan» [1]. Когда старый варан вернулся, одно яйцо и помидорная жижа исчезли со сковороды. Сеньор развернул рулет заско-рузлой джинсы, обратив кусок ткани в широченный комбинезон.

– Размерчик мальчуковый, – спецовка, пущенная вертолетной лопастью на грудь, скатилась на колени, когда в северной части дома раздался требовательный лай.

– Одежда велика, – сухо заметил я, решив воспользоваться случаем отлучиться от дел. О, беспощадный отец, пообещавший беззаботные каникулы, – за этот обман он заплатит.

Прежде, чем выручать трехногую бестию, Винсенто наклонился, чтобы поправить застежку сабо.

– Роджелайо носил ее в старших классах. Он ведь учился здесь, в квартале Эмилиано Сапато, – скованная наклоном грудь задавила кусающую интонацию, почудилось, что мужик задушился слюной. Покончив с обувью, Винсенто с хрустом в коленях выпрямился. – Вода в городе попорчена, не свежее сливов... Бестолочи власти. То и дело выдумывают потешные законы. Услышишь еще об указе чистоты по радио, а простому человеку мыться под дождем приходится, – хруст раздался и в пальцах, которые Винсенто сцепил меж собой, открыв дверцу под раковиной. – Фильтр установлен здесь.

Его палец пополз к верхнему шкафчику, пропустив специи.

– Достань сухое мясо, недоеденную кашу, смешай их в миске и дай собаке.

[1] Старый варан.

Глава 3. Асьенда де томате

Комбинезон с подвязанными гардинами и подкатанными штанинами сел по фигуре. Комплект был дополнен резиновыми сапогами, якобы как временное решение. Несмотря на ощущение тела парусником, по вкусу пришлось широкие глубокие тоннели-карманы, прошитые от груди до колена. Тайные карманы способны вынести много добра. Надеюсь, получится выискать клад в захламленном дворе, ведь прежде я находил много драгоценностей на улицах Мехико.

В сквозной и пахнущей сыростью пристройке без ворот, вымощенной шпаклеванным кирпичом, хранилось черт знает что. В былое десятилетие дядюшка следил за чистотой и здоровьем пристройки. Но что видят мои глаза? Шпаклевка сыпется, едва подует с улицы. Кругом пыльца, семена, цветы. Нежная трава проросла сквозь окаменелый пол; по углам паутина

устилает цвет соснового ствола; лежат буро-коричневые дядюшкины хьюмидоры. Запах кедра мягкий, но при этом притупляет прочие. 58-летний курильщик хранил в испанских коробках кубинские табачные сигары и сигариллы. Насилу рука свистнула поддонную глянецвую шка-тулку как нечто неизвестное, опалило кисть пеплом. Кисть обуглилась, но уж как-то безболез-ненно. Свести бы увечье на вымыслы, фантазии, да тяжело не верить глазам, которые видят, как на стену забирается тень. Испуг сомкнул глаза, а приоткрыл их я, когда что-то, сравнимое с гладким конским хвостом, прошлось по плечам.

– Сгинь, порча! – лихо развернувшись, я уставился прямо.

Левая стена – ее тень, ее промысел! Не иначе с нагроможденных друг на друга мешков с опилками прыгнула и подступилась волна волос со шкуры. Шкура бизона век прожила в одном месте. Как я мог забыть чудовищные лохмотья, коими, как покрывалом с бахромой, был пронизан интерьерный предмет. Ничего не угрожает – это всего лишь сушеная кожа. Мертвая кожа, которую растормошил хулиганский ветер. Все же мертвые растянутые куски никогда не выглядят мертвыми до конца.

Однажды я ночевал здесь, на стельке опилок. Отец хотел удивить меня поразительным звездным небом, словно в остальном мире небосклон халтурит. Я мало видел жизнь при свете дня, предельно меньше видел жизнь во тьме. «Холод под небом асьенды Переса казался невы-носимым».

Отец хотел обложить меня шкурой бизона, но я решительно отказался, сказав, что лучше умру от холода и попаду к звездам. Роджелайо приговаривал: «В пустыне звезд заблуд-шие облака буквально съедают атмосферу. В небе гораздо, гораздо холоднее». Даже явление Винсенто с хлопковой батулой и байками о цыганских кочевниках, распиливающих детские пальцы, колени и черепа не облаченных в шкуру малолеток, не примирили соседствовать с дохлым бычком. И только по небу скользнула падающая звезда, отец отнес меня на кровать.

Под крышей проходной, в мягком освещении бензиновой лампы, передо мной предстал не столь загадочный быт. Не одним хозяйством довольствовался Винсенто. Отшельнической натуре не чужды предметы с историей. На рейке с крючками отдыхал костюм. Затвердевший, точно мокрое белье на русском морозе, кафтан вышит золотой нитью, петли мизерные, позолоченные в общую гамму. Поверх кафтана была шляпа из бобрового фетра, а под подкладкой – замшевые укороченные брюки, растянутые в коленях. Под тряпками – еще одна дюжина дере-вянных шкатулок. Наконец, попалось что-то и для меня. Холодное оружие – мачете, охотни-чьи ножи, стилеты – набор мясника. Я забеспокоился снова: стоит ли злить достопочтенного дона. На гвозде за антресолю скрылась гладкостволка с резной рукояткой, а поверх ружья – патронташ.

– Мать моя! – вырвалось у меня.

Запасливый. Интересно, а ружье заряжено? Просунув левую руку сквозь обойму, я при-поднял ее и подвесил палец правой кисти на курок. Тело оцепенело. Сердце в бег. Возник кадр из фильма о конкистадоре Эрнанде Кортесе. Один из солдат войска Эрнанде приставил ружье к голове закопанного по шею в песок ацтека и произнес предсмертную речь: «Куда положу глаз, туда положу и пулю».

– ГУСТАВО! – громом ворвался голос Переса. Меня схватило, я подпрыгнул и нажал на спусковой крючок.

«Чтик», – затрещал курок, действуя побудителем инстинктивного отскока. Механизм сработал или нет? Я взглянул на руки: ладони были целые, но потные. Должно быть, палец соскользнул. С облегчением я упал на мешок с опилками, ненадолго расслабившись в колючей мягкости.

Сквозной коридор дома вывел из красной пещеры напрямиком в одно из чудес асьенды – в цветущий кактусовый сад с цветами туберозы. Я притормозил в арке, дом и земельный участок отделяли целых полфута. Как хорошо, красиво. Мир поменялся. Был прекрасный дом

человека, теперь прекрасный мир Бога. На улице ноздри пробили сладость настоящего помидора и тонкое благоухание кактусовых цветов. Кактусы, кругом кактусы. Зеленые вытянутые шипованные «огурцы» охраной оцепили раскладной стол по левой стороне и веревку с постиранным бельем – по правой. Кактусовые белые и розовые цветки с нежными заостренными лепестками выпрыгивают из колючего пушка навстречу солнцу.

– В Мехико кактусы не пышнее. В Мехико цветы Федерико-Густаво не замечает.

Хозяйство Пересов обширно, поля видятся на целый акр – края нет. По ровной плодородной земле в строгом порядке располагались теплицы, полупрозрачные палатки с акварельными пятнами красного и зеленого.

Чем дальше стоишь, тем больше видишь. Иди по сорняковой тропе, обшарпанной ходом, но тем не менее не затертой галопом толпы, – дома будут по левой стороне, а участки по правой. Все здесь правильно, словно так и задумал Господь. Даже мне – ребенку – это доступно. Томаты круглые и большие. Живопись вокруг тепличного сада. Оглядевшись, я не увидел художника с мольбертом, которого иногда встречал в скверах Мехико. Никогда не понимал, в чем необходимость перерисовать деревья, реки, горы. А сейчас, кажется, понял. В детстве помидоры Переса росли прямо из земли, без всякой томатной сауны. Выкупленной земли под скромный бизнес было не больше 50 ярдов. Не было оборудования, механического подъема крыши над штабелями ящиков. Была вот эта сплюснутая ржавая нефтяная бочка с облупившейся синей краской.

– Долго ждать твой зад на моем поле? – плантатор изнемогал в желании показать богатства. О намерении провести экскурсию говорил размашистый шаг астронавта по Марсу, такому же красному, как этот огород. А я стоял у сада. Свежий воздух или здравый смысл, но я осознал, каким рискам подверг жизнь, схватив ружье. Безрассудный идиот. Отчитав себя, как положено, два раза, я дернул за овощеводом и Агатой, опережавшими самоубийцу ярдов на десять.

Приближаясь к теплицам, я вдруг оказался в облаке сухой пыли, вызванной стремительно бегущей ксолоитцкуинтли [1].

Умей еще собака бегать, а то лапы заплетаются. Близости не будет:

– Фу, животное. Фу, Агава, Агата, как там тебя...

Взъерепененная дружелюбная собака хуже дикого кабана. Его хоть можно спугнуть.

– Сеньор, помоги. Ксоло неуправляемая.

Ближняя теплица равнодушно ответила: «Штаны береги». Через секунду торпеда приземлилась на моем животе. И вот я на лопатках, прибитый тяжелыми лапами. Вас когда-нибудь нокаутировало животное, мечтающее лобзать подбородок? Зверя не ударишь, не шлепнешь. В таком положении противник сильнее, любвеобильнее. Нельзя драться с тем, кто влюблен в тебя. Я спрятал голову за локтями, вприсядку уползая от напасти.

– Все, честно, я понял, понял: ты мне рада. Слезай давай!

Исполненная добрым бешенством, Агата просунула язык меж локтей и сделала-таки свое черное дело – облизала подбородок и даже слегка прикусила.

Чуть собачьи страсти поутихли, я предстал перед сеньором Пересом и нарвался на замечание:

– Ох, черти, туловище потаскали! А ведь еще след от автобуса из Мехико не сровнялся...

– Не понял?

– Штаны новые на коленке. Рвано!

– Это собака, да и не новые штаны, – я спрятал дырку.

– Ты напялил их который раз?

– Первый.

– Значит, штаны новые, балбес! Постираешь одежду в бочке. Водопроводную воду из водопровода бережем. Баррель к баррелю, уяснил?

Пара секунд тишины, как вдруг что-то булькнуло за спиной.

– Агата, ну только не свирель!

Винсенто замахал руками, отгоняя запахи.

– Фасоль со вчерашнего обеда. Агата заряженная, как и ружье. Можно ворон отпугивать, – усмехнулся я, отходя от собаки, явно не знавшей хороших манер.

– От фасоли так не воняет, – Винсенто закрыл нос рукавом. – Иди за мной, покажу владения. Не трожь ничего, пока не позволю.

Уверая, сказанное мною показалось старику смешным, или не стоять мне прямым и целым!

***

– Да, сеньор, крутое хозяйство. По правде говоря, здесь очень красиво, и помидоров вкуснее я не пробовал. Должно быть, у тебя великое терпение. Но все-таки... я бы не стал ковыряться в грязи. Можно же нанять бригаду землекопов и...

– Вот и ответ.

– Ответ?

– Земля кормит трудолюбивых, год за годом даруя урожай. Хороший овощевод ухаживает за почвой сам. Веками невзгоды – засуха, потопа, ураганы, заморозки разрушают плодородие. И только собственные руки хозяина и его любовь к земле способны взрастить семя. Я ценю, что имею. Труд без уважения – это пустые хлопоты. Нанять землекопов... Нанимался один юнец неблагодарный, Рико Эстрада. Уснул и залил огород. Нет, томаты не пропали, но стали водянистыми. Заказчики сразу поняли, в чем соль, и отказались брать товар под жированием по хорошей цене. В другой раз выкорчевывал сорняки вместе с посаженным салатом, обкрадывал своего хозяина... Ой, – Винсенто махнул рукой, – проще всего сделать безвкусие, нанимая людей, которым важен лишь тяжелый от монет карман. Это не означает, что Перес не уважает чужой труд. Ты, папоротник, испортил вещь в первый же день. Бережливости молодежь не знает. Откуда, спрашивается, возьмется желание создавать? Ты еще совсем мал, чтобы понимать жизнь.

Суд за молодость, нрав и учение – надоело! Неужели неясно: сельское хозяйство не по мне. Тогда дьявол втемаяшил злоглубокое беспокойство о будущем: кто поимеет Переса после его кончины? Коммерческие руки заграбастают землю, уничтожив крепкие разумения.

– Должно быть, очереди выстраиваются на пробу овощей. Покупатели охотны?

– Достаточно охотны, чтобы не бедствовать, – разрыхлитель земель явил избитую позу охотника, сбившего с копыт быка.

Пока Винсенто прокладывал путь от одной теплицы к другой, перечисляя сорта, словно растения – его родные дети, меня надоумило найти своих приятелей. Как же их звали... Одного мальчика почти наверняка Хосе-Вито, другого, кажется, Бенни... С мальчишками нас свело единственное лето. Бьюсь об заклад, ребята по-прежнему живут в своих домах.

Последней из десяти сооруженных пленочных капсул оказалась теплица с наклоном к тропе, ее положение как бы отделяет хозяйство от дома. Внутри теплицы были дюймовые изумрудные бусинки на лозе, на тонком колышке, атакованные мошкаркой. Растение популярно среди крылатых поклонников и кое-кого еще. Трехлапая плутовка ободрала куст. Голодной зубокрасной пасти ровно, будь это мексиканские мальчишки либо же вегетарианский лист.

– Что с мошками не так? Лакомятся маленьким помидорами, когда в распоряжении море гнилья.

– О-о, точно подмечено, – мужчина, прославляющий исключительно педагогику, добавил в образ пользы. – Секрет раскрою: перед нами особый сорт пасленовых. Ближе, ближе, не стой черенком. Возьми в ладонь ветку, понюхай.

Винсенто стоял по левую руку. Он присел на корточки и нежно отделил плод.

– Овощи выделяют особый фермент. В земле настоящий навоз, зола и прах кротов.

Покатав зеленый шарик в руке, хозяин надавил на помидорку, сказав: «Созрела *mi belleza*» [2]. С подобным трепетом я тискаю мармеладных мишек.

– Прах кротов? Ужас.

Я вообразил кротовые рыдания и боль, испытанную ими в огне. Винсенто исподтишка схватил детскую ладонь и насыпал в нее несколько штук.

– За этот сорт человека перед тобой трижды удостоили награды профессионального селекционера паслена на северном континенте. А имя изобретению – медовый горох.

Увлекающийся тщеславец. Жаль, что никому не сдался надзиратель, остановивший заключенного пулей. Еще и кротов выпекает. Невовлеченность слушателя завязала дону язык. Опрокинув голову, мужик понял, в чем дело. Под дерзкой челкой было надутое волнением наивное личико.

– Кротоубийца из меня никакой. Шумовые отпугиватели, табак и чеснок неплохо справляются с грызунами.

От сердца отлегло, и я тут же зашвырнул одну помидорку в рот, по-чемпионски попав в глотку. Видел бы этот маневр учитель физкультуры! По броскам я лучший, но за сборную школы по баскетболу вместо меня всегда выступает придурок Эксудэро, хотя я выше него на палец и спортивнее.

Пока жевал, я забылся. Уши заложило великолепие вкуса. Сладко, словно мед, и кисло, с тающими скользкими зернышками, но мед! Помидорка растаяла на языке, в мгновение ускользнув в глотку. Хочу новые помидорки! Огородничество внезапно стало привлекательнее. По сиюминутному желанию я удовлетворил прихоть, запихнув медовый кулак в рот. Томатная каша перестала быть сладкой, дав щавелевый привкус. По известным ему признакам Винсенто догадался, что творится в моем рту.

– Медовый горох нельзя жрать скопом. Вкус теряется. Пойми же, это деликатес в томатном мире! Ясно тебе?

Я проглотил массу, кивнул. Конечно, ясно. Кто будет спорить с человеком, у которого в доме ружье и мачете?

– Толай за мной, папоротник.

И немедля Переса понесло из теплицы в асьенду.

В доме, в гостиной, он долго копошился в нижнем ящике комода, который стоял вдоль несущей стены, напротив радужного дивана. Мебель под тафтой нагромождена книгами и полицейским приемником. Перес настроил рацию таким образом, что техника улавливала музыкальные станции, спортивные каналы, а порой и настоящие полицейские трансляции переговоров. Конечно же, федеральные силы были не в курсе, что сливают информацию хитровыделанному гражданскому.

Минуты ожидания, и сеньор выпрямил крюк спины, держа трофей: позолоченный бюст с надписью. Сама композиция – агроном с полным подолом разноцветных овощей.

«Уродливейшая награда», – подумал я.

– Правда, красивый? – испытующе требовал восторга дядя, трясая перед собой дорогой статуэткой.

– Смотри, здесь написано: «Победитель ААС», – продолжил хозяин своей и моей воли. – Означает исключительный сорт. Три раза я поднимался на пьедестал. Однако лишь один сорт продолжил жизнь.

– Медовый горох, – проговорили мы в один голос. Дядя впервые искренне улыбнулся.

– Почему награды в тумбочке? Ты же гордишься ими.

Все это время я опирался головой о несущую стену, все больше поглядывая на радужный диванный плед. Сейчас бы повалить дурака. Я едва прожил четверть дня и уже устал.

– Награды, награды... От кубков пользы нет.

– Ты же только радовался, как малое дитя. Награды – это приятно. Я в жизни награды не получал. Меня даже в баскетбольную команду в запас не берут.

– Не жалуйся. Не берут – не заслужил. Найдется и по твою душу дело.

Поощрения... Выпячиваю иногда родственникам и друзьям игрушку, дабы уважали опыт.

– Спасибо. Я посмотрел.

Я несмело прилег на диван, догадываясь, что Винсенто плохо терпит отдыхающих. Как ни странно, моей персоне не оказали должного внимания. Ни криков, ни хмурого взгляда... Попробуем задрать ноги на спинку.

– Убрал ноги, живо! – скомандовал хозяин, даже не посмотрев в сторону дивана. – К лентяю и одеяло приклеивается, – добавил он.

Минное поле это чертово поместье. Минное поле!

Винсенто упрятал трофей на прежнее место. Он сделал все в обратном порядке: аккуратно положил статуэтку, прикрыл ящик и точь-в-точь так, как стряхивают пыль, опустил тафту.

– Займи себя чем-нибудь полезным. Почитай. Книг в моей коллекции мало, но этих достаточно, чтобы в жизни больше ничего не читать, – говорит дядя, удаляясь в свою комнату.

– Переоденься. В полдень займемся обедом и сном, а после продолжим дела. В саду видел белье постиранное? За ним бочка с чистой водой, мыло и порошок. После постираешь свои вещи.

Ничего больше не читать? Такая перспектива устраивает. А спать зачем? Вся рухлядь днем спит: старики, больные... ну и кошки с собаками.

– Если уж стирать, то сейчас, пока солнце. Дядя! – кричал я вслед уходящему.

Вернулся Перес с тремя книгами: «Ветчина и бобы. Рассказы Передеса», «Правдивая история завоевания Новой Испании. Записки солдата Бернала Диаса» и «Священное католическое писание».

– О революции советую читать вечером, – протягивая книгу лежащему мне, дядя уверился, что я буду читать. – Художественных не нашел, сходишь в библиотеку города. Держи церковную, ее в любое время читай.

Мне пришлось встать, чтобы удержать нагромождение знаний.

– Может, радио послушаем? Я люблю новости слушать, – это была ложь во спасение. Терпеть не могу скучные разговоры о бесконечных происшествиях. При виде приемника у меня начиналась ломка по личному телевизору в своей комнате. Более того, год назад отец купил видеомагнитофон и кассеты с мультфильмами и боевиками.

– Радио играет фоном. Это не занятие, – сказал дядя, направившись к приемнику и настроив шипящий аппарат на волну безумия. Музыка кантри перебило шипение, а шипение прервала волна политических дебатов, затем снова музыка, шум, дебаты, шип и... Дебаты победили. Эфир посвятили собачьим боям, которые давно следует запретить законом. Несколько высокопоставленных лиц умными словами говорили, почему этого делать не стоит: «Влияние, оказываемое боями на экономику страны, безгранично. Вдумайтесь, сеньоры, ряд заинтересованных лиц потеряют рабочие места. К тому же шоу – часть мексиканской культуры».

– Ах ты, хищник! – дядя внезапно напал на радио с криками. – Ты ж сам заинтересованное лицо! Подлец трусливый.

Затем программа прервалась из-за вещания полицейского управления. Требовался патруль в западную часть города. Какой-то бездельник ограбил пожилую сеньориту, выходящую из автобуса. В сумке женщины были деньги и любимая колода карт для пасьянса.

– Дядя, – рискнул я поинтересоваться, – кто тебе настраивал приемник? Колоды карт в Альма де ля Терра украли... Такую волну я готов слушать изо дня в день.

– Не твоего ума дело.

Я должен изредка злиться на жизнь, но никак не унывать. Меня считали избалованным, но легким ребенком. Обиды прощал скоро, забывал выражения дурного нрава. Будь то стычки с родителями или с одноклассниками моей школы. Не помнить зло – черта, перенятая от отца.

Неожиданно на моей коленке появилась голова Агаты.

– О, подруга, где гуляла?

Собака облизнулась, сначала глядя в мои глаза, затем голодно всматриваясь в глаза хозяйина.

– Мозг в кисель не загустеет, в деревне развлечений нет.

Я и забыл, что мы с сеньором разговаривали о книгах. Мои мысли были рядом с матерью. Страстно захотел увидеть ее. Мама не позволяла мужчинам стирать. Правильнее будет сказать: не доверяла.

– А так мозг загустеет в кукурузную кашу – в школе книги, тут книги... У меня вообще-то в этом городе есть друзья!

– Не носи чушь, папоротник. Школа делает солдат, а я человека хочу видеть.

В голову втемяшилась абсурдная мысль: «Детей вместе со своей псиной нарожай, а меня не трогай».

– Покорми Агату и вникай, вникай, а мне нужно позаботиться о накладных. Я поручаю вести дела банковскому служащему, налоговой и собственной голове. В банк я сейчас и отправляюсь. Веди себя прилично.

Сеньор Помидор – раздражающаяся натура, не подступиться. Зверя во мне разбудить ой, как тяжело, но старик старается. Как разговорить того, кто замкнут, неуравновешен, бешен?

– Еще у меня есть напарник. Познакомишься с сеньором Алехандро Матиасом при возможности. Алехандро много лет занимается отгрузкой и реализацией. Кстати, у него дочь. Хуанита, года на четыре взрослее тебя. Умная девчушка, не малюется, волосы не красит в розовый или зеленый, как доступная девка.

Увертки, насмешки – то, чем гордится старый варан. Много ли надо слов, чтобы понять по напыщенной, скукоженной от пафоса морде, насколько нестерпимо дону видеть меня. «Издевается. Плевать я хотел на Матиаса и его дочь, кем бы они ни были!» Мысли о собственной ангельской невозмутимости прекратились. «Я отказываюсь понимать и слушать мерзкого родственничка, будь он хоть трижды братом отца. Он испытывает, задевает. Чем я ему обязан? Да ничем. Скользкая огородная улитка!»

Теперь я желаю раскусить скрягу, вмазать ему, дать кулаком по почкам. Отцу жаловаться не стану, на всех найдется управа. По уставу мамы: «Если человек плох, все равно: мексиканец он, гачупин [3] или гринго [4]». А дядя и гачупин, и мексиканец, и гринго. Как же его одолеть? Смотри же, Федерико-Густаво, на отяжеленные мудростью глаза, что посматривают на мир, будто все о нем знают, все о нем решили. Смотри, Федерико-Густаво, на опалое безусое лицо, в котором и грусть, и сила, и жизнелюбие, и ненависть. Что-то ты скрываешь, дон Помидор? Может, как фокусник, прячешь секрет в шляпе, а, Винсенто? В шляпе ты сильный. Но вчера ты снял шляпу, показав, насколько можешь расстроиться. Посмотрим, каков ты будешь, когда вновь оголишь свою большую седеющую голову».

***

Не найдя в трудах неизвестных авторов картинки, я занял Аги игрой «Клади палец в пасть». Ничего сложного: суешь палец в челюсть ксолоитцкуинтли и выдергиваешь, когда пасть захлопывается. Собаку лучше раздраконить, позлить как следует, иначе охота на палец ее не интригует. Дразнить лысую собачку весело. В пасти широкой липко, жарко, а зубы царапают, если по центру не попадешь. Руки в собачьей слюне, только азарт не остановить. Брезгливо выругаешься, а в ответ: «гав» да «гав» – радуется.

Я и не заметил, как вымотался и уснул. Капли воды со скользких мыльных рук дяди разбудили меня – он тряс клешнями прямо над моей головой! Злой способ выбрал старикан, ходит измывается, сигарету в зубах мусолит.

– Федерико-Густаво, вставай! Вода нагрелась, можешь идти стирать.

Нужно подняться наверх и вывалить еще не разобранные вещи из чемодана. Мама собирала все на свой вкус и положила нелюбимую одежду, зачем-то здесь очутились и школьные брюки. Видимо, для вечерних занятий, которые я буду здесь посещать. Отстоял я футболку с черепашками, ремень под цвет челки, разноцветные шнурки на кеды, несколько любимых футболок и шикарную оранжевую бейсболку с восьмиугольными звездами. В основании чемодана лежали батарейки, комиксы Марвел, оловянные солдатики и вкладыши из жвачек. С ними я не мог расстаться. И через 40 лет в багаже Федерико-Густаво будут лежать любимые игрушки.

Дом переделся в вечерний свет. Из окна кухни виднелись над дорогой облачные сливки, смешанные с кровавой магмой заката. Выглядели они аппетитно, как хорошо взбитый яичный омлет. Мехико душит высокая пыль, небоскребы и астматическая бездыханность. Должно быть, из-за душного Винсенто Переса я не понял, как легко стало получать кислород в сельской местности. Рвану-ка я в сад босиком. Решетка-гриль, сбежавшая на полпути со стола, обула в сандалии из тени. Пошевели пальцами, и тень никогда не отступит. Весело проверять, как обогретые солнцем ноги, шагая по колючей траве, переобуваются в узор ограждения чужого хозяйства. Белье уже подмышкой, не попались бы соседи. Терпеть не могу вынужденный обмен радостями только потому, что кто-то у кого-то пару раз одолжил соль.

Всегда найдется умник с расспросами о школе, возмущенный прической или формой ушей. Как правило, сосед-клещ, притворяющийся дальним родственником, днем скрывается на работе или наблюдает за тобой из-за двери с очень широким глазком. На сей раз сосед-клещ занавесил свой глазок семейным бельем. За ширмой пододеяльника показались шелушенные пальцы, по ногтям которых с мужской руки проходились садовые ножницы. То и дело на траву опускалась бутылка пива, иногда салатница с начос. Ногти оказались столь отросшими, что с расстояния в несколько футов можно убедиться чемпионской прыгучести ороговевшей пластины в салатницу. Не подглядывай и лишись удовольствия запомнить отврат на всю жизнь. За забором соседа Педрито – так назвал его женский голос с того же участка – громко распевалась «Кармен». Запись сегидильи звучала с катушечного магнитофона. Я протянул две фразы в припеве и на повторах громко выкрикивал слова, не признаваясь курице, попавшейся мне на глаза, в том, что не знаком с композицией.

Возле заставы Севильи

Есть у моего друга кабачок «Лильяс Пастья».

Туда пойду плясать сегидилью

И пить манзанилью.

Тра-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла.

Давай станцуем, курица. В доме Педрито полдюжину женских голосов обсуждали салаты и закуски, пока сочный рогалик колбасы румянился на точно таком же гриле, как у донна, разве что дядин был без мяса. Надеюсь, на железе петух – тот, что гудел утром в моей голове.

Пора вернуться к задуманному хозяином – к стирке. Специально оборудованная прачечная – по сути обложенная кирпичом квадратная зона три на три ладони. Здесь запахи еды уступают банной сырости, к довольству тоже приятные. Как и Педрито, Винсенто предпочитает белую постель. Высохшая простыня приглашает в отделение пыток. Что еще мы имеем? Пара глубоких бочек воды, нагретых солнцем, тройка железных тазов на пнях. Правее к стене, под навесом, электрическая лампа на толстом шнурке, лейка, кофр для полотенец и белья. На скамье пылятся пакет порошка «Альпийский луг» и ошметки сухого мыла. Подпирал скамью старый гнилозубый крокодил, названный стиральной доской. Здесь же и летний душ: опроки-

дывающаяся с высоты дубовая кадушка, похожая на ту, что отведена под мусор в кухне-гостиной. Обнимая грязные вещи, я ужасался перспективе стать прачкой.

Дядя пришел проверить, как продвигается дело. Я спросил, собираются ли власти чинить городскую прачечную. Ответ читался в сгущенных к носу бровях и ухмылке. Вторым вопросом я открыто упрекнул город, власти и, естественно, своего мучителя во всеуслышание:

– Какого дьявола население в сто тысяч человек бездействует? Можно же написать коллективную жалобу. Прачечная должна быть! Как и аптека, булочная, спортивный клуб.

Винсенто сказал, что не знает. Человек условия сам создает. Плевал он на «коллектив».

Выбора нет. Придется осилить бабскую работу. Бросив несколько рекомендаций по использованию новейших древних технологий, старый варан удалился в дом. Ничего себе: попробуй-ка не ободрать пуговицы с одежды о волны стиральной доски. Способ, мягко говоря, не деликатный. Бросив все без разбора в таз (и цветное, и светлое), я залил белье водой из шланга, затем пустил струю в небо, наблюдая, как водопад возвращается, спускаясь прямо в таз по запястьям и локтям. Приступим. В наполненную емкость пошел порошок, следом отправилось мыло. Помешаю чем-нибудь, все и постирается. В траве я углядел палку, и она тут же была задействована в процессе. Под палкой радужный суп из носок и сорочек завращался, как в центрифуге. Со стиркой таки покончу скоро. К слову, в плане других дел не значилось. Винсенто инновации не оценил. Я глядел на безусого дона и не осознавал, что меня ждет. В будущем я научусь читать слабые импульсы о надвигающемся приступе правосудия. Сейчас же молчаливое наблюдение расценивалось как похвала, я не учуял опасности. Кто мог подумать, что легкое подергивание губ, смещение рта то вправо, то влево, приподнятые плечи – это нервный тик.

И так родственник с черствой рожей отошел подумать: снял головной убор, ища глазами, где шляпе будет безопаснее. В конце концов оставил ее под бельем, прямо на траве. Оказавшись рядом, первое, что сделал Винсенто, – выдернул из моих рук палку и выбросил ее.

– Ты будешь стирать руками, сынок. Никому еще не удалось отстирать пятна чая и земли палкой.

Признаться, стало немного стыдно, но и обидно. Мне указали на ошибку, которая ясна без учений. Пришлось выполнить требование – схватить мокрую рубашку и тереть намыленные рукава друг о друга. Впервые наклонившись к тазу, я потерял из виду и рубашку, и руки. Перья челки упали на лицо, я смахнул их мокрой рукой, но непослушные пряди снова возвращались на место. Так и было задумано – носить челку на левый глаз. Стирка и уборка не предусматривались.

– Перед тобой коровье вымя? А? Посильнее три.

– Да я тру. Мне волосы мешают.

– Так убери их, черт возьми!

Я стоял, скрученный и жалкий, под гнетом деревенской мощи. Мужик истязал меня, как мог, заставляя испытывать растерянность и панику. Мокрыми руками я прилизал локон и закрепил его за ухо. Малейшее движение – потемневшая зелень волос снова на носу. Казалось, унижение над племянником видят все соседи. С левой стороны те, которые пока не проявились, с правой – владелец петуха и сам петух.

– Что за изнеженную косматую девчонку воспитал Роджелайо?! С такой ерундой не справиться... Вдоволь песни распевает. Позор!

Ни за какие коврижки не останусь в проклятом доме. Улизну первым же автобусом, попуткой. Только подвернись шанс, подвернись шанс! Домой. Домой. Домой. Не приведи Бог родители найдут аргументы против, я буду скитаться по свету гордым отшельником.

– Дай сюда! Ткань выворачивают наизнанку.

Отброшенный тяжелой рукой назад, я слегка пошатнулся. Бранные слова толпились на краю языка, пиная друг друга в пропасть рта, а ругательства затаивались. Винсенто тер и тер

воротник ткани, смачивая то и дело его в воде. Он стоял точно так же, неуклюже сгорбившись и завернув рукава. По кивку «напарника» я вернулся к процессу. Теперь мы вдвоем пыхтели над бельем, пока дон не поднял глаза, чтобы увидеть, быть может, просветление? Несмотря на выполняемые требования, я чувствовал напряжение, царящее в нашем стиральном омуте. Скоро Винсенто встал, протер лоб, отстранился, скрывшись за занавесом постели. Слава Богу. К моему удивлению, во мне проснулся азарт. В тазу оставались нестиранными носки, чистая выжатая одежда дожидалась полоскания рядом на пне. Покончив с последней парой носков, я выпрямил спину, с освобождением выдохнув груз усилия. Кто-то подошел из-за спины и грубо запрокинул мою голову. Шея моя натянулась, а рот широко открылся, и я увидел простор неба.

– А-А-А! – выкрик сошел из недр моей боли. Рот не закрывался. Крик совпал с треском рвущейся одежды. Спустя секунду незнакомец ослабился, голова полегчала, но рот прикрыть я не смог, челюсть свело. Я повернулся. Передо мной стоял хозяин асьенды, в руках держа топор и локон зеленых сырых волос.

Я проверил лоб. Слабая надежда, что волосы все еще на голове и в прежнем количестве, оставалась. Вымолвить хоть слово оказалось не по силам. В ужасе от случившегося я просто стоял и молчал. Волосы спрятались в кулаке, торча соломинками из прорезей миниатюрных граблей для сорняков. Винсенто не прятался, смотрел в глаза и не сожалел. Повергнутый в глубочайшее изумление, я смог пропустить шок через себя. «Прочь!» Вымещая злость на белье, я сорвал тряпичное ограждение. Вместе с бельевой веревкой конструкция рухнула. Не оборачиваясь, я пошел в дом, трагически извергая: «Прочь отсюда!» Едва я захлопнул дверь в верхнюю комнату, слезы хлынули горячей обидой. Захлебываясь, я подошел к зеркалу. На меня смотрел убитый горем мальчик-скоморох. Гороховый шут с торчащими ежиными иголками на лбу. Испанское побоище. Глядя на непривычно округлевшее без челки лицо, я переживал конец света. «Монстр. Монстр. Монстр!» – твердилось одно. Я ругался, как заговоренный, слыша бой барабанов в ухе. Трясущиеся руки потянулись к увечью. «Он хотел отрубить мне голову». Фантазия затмила понимание истинных мотивов. Как на зло, в голову лезли все причиненные обиды: злое воспитание родителей, выставление дураком учителем у доски, борзое шефство ребят из старших классов. Все же не все сводится к преувеличению. Предсмертный опыт, ощутимый в ту минуту, когда рука Переса схватилась за чуб, не выдумаешь.

Рот так напрягся, что мышцы лица потянуло к подбородку. Словно через уголки губ, с двух сторон провели нити, которые и тащили вниз. Дверь закрипела. Жалобным воем в комнату просилась Агата. Настырная собака царапала дверь долго. Так вот откуда барабаны в ушах. Распахнув дверь, я был атакован сочувствием. Синяя морда прижалась к ногам, напором требуя приземлиться на пол маленького хозяина. Возражений не имею. Встав на колени, я в мгновение узнал, что значит неистовая собачья нежность. Агата положила морду мне на плечо, затем облизнула ухо и слизала всю соль с лица. Ничего не говоря, я обнял собаку, ощутив приятный жар ее лысого тела. Я подумал, что нахожусь в том же остриженном положении, что и безволосое животное. Эта мысль насмешила меня, и я кратко вздрогнул и посмеялся. Теперь лестница отяжелела от грома. Грузный топот побудил спрятаться на подоконнике, уткнувшись лицом в занавеску. Возмутительно. Как он смеет искать моего внимания? Я негодовал, но и боялся.

Винсенто уверенно взобрался к двери, но, вопреки поведению, робко открыл ее. Он не посмел включить свет. В отражении я видел силуэт, который представился темным слоном на фоне желтого коридорного света. Всей оставшейся гордостью мне удалось сдержать видимость плаксы. Да вот надолго ли? Тишина нарушилась кашлем. Долгая хрипота тормозила слово Винсенто. Все же, преодолевая себя, он наконец заговорил:

– Ты это... – тихо сказал дядя, – поможешь старику?

Спиной я почувствовал раскаяние. Принимать его здесь, естественно, никто не собирается. Меня Алехандро ждет.

– Что на ужин есть будем?

Ответа не было.

– Можно курицу запечь. Я вчера настоящий ананасовый соус добыл. Без консервантов. Сладкий. Ты же хотел сладкое. Продавщица сказала, что дети его любят.

Как же ответить ему, чтоб захлопнул рот и дверь на веки веков?

– Ужинать не буду, – сказал я твердо.

Тогда Перес пошел другим путем:

– По утрам я поеду до сельвы. Хочешь со мной?

– Оставь меня в покое. Ни в лес, ни на Марс, ни куда-либо в компании с тобой я не хочу!

Несколько помолчав, Винсенто позвал собаку, но та не пошла. Тогда, не найдя причины оставаться, он прикрыл дверь, чтобы приоткрыть ее вновь и сказать:

– Нельзя оставлять сырое белье на ночь в тазу. Кошмары в сон придут...

[1] Мексиканская порода собак.

[2] Моя красота.

[3] Белый испанец.

[4] Англоговорящий американец и европеец.

Глава 4. Алехандро Матнас

Ночью я спал крепко, хоть и лег пустобрехим. Прогноз патрона не сбылся – кошмары не пришли. Вероятно, белье высохло до полуночи. Двое крикунов спорили со стороны сада, и я понял, что по-прежнему нахожусь в доме Переса. Ночью я намеревался сбежать по сточной трубе, но жабий рык и уханье суетливых сов пресекли мой порыв. Побег не состоялся.

Спустился я по водостоку, сейчас, наверное, уже был бы в Мехико. Правда, люди ночью путешествуют нечасто. Разве что дальнбойщики да беглецы вроде меня.

Голоса повели за дверь, к окну в конце коридора. Прильнув к стеклу, вдавив лоб до треска и скосоглазившись влево, я увидел клочок сада. Надбровье похолодело – правильно, ведь один мерзкий тип оголил детский прыщавый лоб. Оборотень, который перевоплощается с закатом. По-всякому сыпь не так заметна, чтобы лишать глаза видеть мир открыто. Все же признаться, пусть и самому себе, в том, что сколь-нибудь прав старый варан, – никогда! Обрезанные волосы два рассвета будут напоминать болью в голове, а в сердце – бог знает сколько времени.

Словно артисты театра на поклоне, на веревке раскачивалась стирка – большая стирка. Нанеся безусловное оскорбление, причинив столько несчастья, Винсенто не грустил, он развлекал Педрито анекдотом, а что еще вероятнее – хвастал, как ловко управляется с топором.

Соседскую болтовню прекратил ход колес старой модели пикапа алого цвета. Машина проскочила за пристройкой. В уголке кузова устроился человек в рабочих перчатках. Я спустился по лестнице и босиком вбежал в пристройку, укрывшись за мешком, стоящим на границе крыла и сада. Умнолицый наряженный мексиканец распахнул дверь авто, припаркованного параллельно дому. Сначала мужчина выпустил ногу. Схватившись правой рукой за рамку свернутого стекла, он использовал левую ногу как основную опору, погружаясь в колею едва различимой дороги.

Наконец, подняв зад с сидения и стараясь не помять брюки, мужчина вышел на воздух, втянув кислород ноздрями.

– Апчхи-и! – мужчина порывисто чихнул, ничем не прикрыв рот.

От присосавшегося к воздуху задранного носа следует ожидать повторного приступа, и никак иначе. И, разумеется, напасть поразила гостя снова. С моего расстояния было ясно: занятому автомобилю не выбраться из колеи, а не по случаю разодетому сеньору не спастись от аллергии. Верно, большой человек. Увядающая шея господина повязана голубым шелковым платком. Негустая, но ухоженная дымчатая бородка и усы подстрижены. Человек почти белокожий. Горчичный джемпер поверх плеч. Мужчина в лазурно-голубой сорочке с коротким рукавом, в светлых просторных брюках, замшевых мокасынах. Тот, в кузове, обыкновенный

мужик, курил одну за одной. Равный ему работник крутил руль. Когда люди Матиаса вышли из машины, они молча подхватили тары – все равно какие. Сообрази-ка, каким чудом неприспособленная к грузу машина увезет хотя бы десять томин [1]? Одно понятно: умнолицый – дядин напарник. Сам Матиас суете не поддался: держа осанку и натянутый живот, он созерцал процесс, который не состоятелен без надзора. Манерами господин этот – дирижер, выписывающий направление, пока грубая сила подхватывает заданный темп. Винсенто приветственно поднял руку и широким шагом направился к бригаде. Дядя познакомил нас вскользь. Алехандро пожал мою руку, спросил, здоров ли я, собираюсь ли продолжить бизнес Переса или же отправлюсь вслед за родителями в Америку. Мой ответ был утвердителен в пользу второго. В ту же минуту Матиас потерял ко мне интерес, ища глазами кого-то более достойного. Матиас занял место штурмана, едва погрузка завершилась. К слову, товар уместился, просто-напросто брался мелкий калибр. Дядя вдогонку вручил бумагу, в которой говорилось о его согласии обсудить с неким партнером эмблему, именной знак, большую рекламу на радио и телевидении.

Любопытство овладело мной, поскольку я испытывал глубокое уважение к телевидению и к людям, способным засветиться в шоу и кино. К рекламе отношение несколько иное, как видно, до той поры, пока ее скользкие лозунги не понесут твою фамилию. За обедом я взволнованно забил в колокол: «Неужели есть шанс, что по итогу Винсенто Перес примется раздражать людей с мексиканского и американского экранов?» Винсенто, как и следовало, погасил пыл фразой: «Не твое сопливое дело». Тогда я зашел издали, разузнав о том, что же представляет из себя Алехандро Матиас. Быть может, помимо грузоперевозок, он связан с медиасферой?

Особых отношений между этими двумя я не разглядел. Несомненно, они приросли плечо к плечу, все же видится, что дружба полуфабрикатная – как соевая котлета: вкусно, но не мясо.

– Сначала занимал должность каллиграфа-трафаретчика в нашей газетенке, – Винсенто был спокоен, лишь озабочен взрослой болезнью под названием «думание». Разговор со мной скорее поддерживал в нем приземленность. Не задай я вопроса, старика так и унесло бы в небеса.

– Какие трафаретчики? Газета печатается на компьютере.

– Много ты понимаешь. Были времена, плакаты рисовали, анонсы, рекламу, буклеты – все вручную. Вот и Матиас. А в 1972 году... Помню, хорошо помню, потому как в тот год присоединился к богу Луис Эчеверриа [2]. Алехандро завел друзей в мэрии, сблизился с управленцами Сакатекаса. Влиятельные люди помогли ему с делом, которое было подходнее рисования буковок. Грузоперевозки. С той поры Матиас много лет копал траншею до большого города. Работал на «Carso». Он лично имел дела с управляющим компании – Карлосом Слимом Элу (этому человеку предстоит стать самым богатым на планете). Благодаря Алехандро и его деятельности в «Carso» в Альма де ля Терра появились редкие автомобили, впрочем, и кладбище металла – тоже его рук дело. Своими силами Алехандро приобрел дом и все, что имеет. Живет с дочерью, бед не знает.

К семи вечера Винсенто занял опустевшие ярусы новыми подарками солнца. Мне было поручено обрывать стебли и нижние лепестки. Лишь повалившись коленями на голую землю, я догадался подтянуть под них кусок пленки.

– Дядя, много ли грузовиков у Алехандро?

– Достаточно. Пара «кактусовых» пикапов, аграрный тягач, одна битая легковушка, грузовик...

– Почему машины нет у тебя?

– Красный малыш-пикап – мой. Парковать негде, ночует в парке Алехандро. К слову, в последние дни Алехандро сам не свой.

Винсенто оторвал пожелтевший лист с обработанного детскими руками куста и молча сунул его под мой длинный нос.

– Грозился написать книгу.

– Книгу? – я усмехнулся. – А сеньору Матиасу есть, о чем писать? О драках, о приключениях?

– Будто мне есть дело до того, как проводит свободное время сопровождающий моего товара.

Убедившись, что ни одно растение не погибает, Винсенто оставил грядки. Он обтер руку об руку и с выдохом, похожим на кашель, направился под навес. Я последовал за ним. Вложив в ответ всю имеющуюся искренность, я предложил идею, которая показалась подходящей для такого скучного хобби, как писательство.

– Он мог бы написать об инопланетянах. Нам мало известно о них.

Дон поднял глаза от сколоченного, лениво свисающего с антресоли гвоздя и моргнул.

– Что в том плохого? – я с недоверием посмотрел на хлипенький гвоздь. На нем кольцами висела шнуровка, овечьи стригуны и укороченные, по-видимому, этими же ножницами брюки.

Винсенто спускал штаны, но я вынудил его прервать переодевание. Он многозначительно посмотрел прямо в душу и, смерив зорким оком глубину моей мудрости, сказал:

– А знаешь, предложи ему.

– Хорошо, – без доли сомнений согласился я, пока не понял: дон недостаточно ярко выразил обыкновенное насмехательство.

«Старый варан такое учудил с волосами, а ты доверяешься, Федерико-Густаво?»

Немечтательный старик покончил с грязной одеждой. Тряпье он закинул в вязанную корзину и оставался в чем мать родила, прогуливая наготу до летнего душа. Провожая его, прячась стыдливо за неширокой спиной, словно это мной движут нудистские стремления, я получил объяснительную:

– Отойди Матиас от дел, я буду раздосадован, но вечером того же дня найду другого перевозчика, а вот будет ли иметь успех его писанина – неясно.

[1] Единица измерения массы.

[2] Президент Мексики.

Глава 5. Курандеро

11 мая, в воскресенье, дон отвел меня на кладбище. Каждый мексиканец знает, где спят его предки. Семья Пересов захоронена в Мехико. Могилы бабушек и дедушек не гремят крышками, когда внук навещает их. Владения смерти открыты общению, но для меня экскурсия – это скорее повод хоть раз встретить привидение. Летящие мертвецы обязаны жить над гробами.

В Мексике кладбище – это церемониальный городок, кишачий потусторонней жизнью при свечах жизни временной. Неподалеку от кладбища я заметил купол шатра, выступающий над крышей забегаловки, оттуда слабо доносились голоса и веселая музыка. Винсенто молча шел рядом. Вдовец нес туберозу и угощения. Пройдя долгую стрелу пути, на пересечении секторов мы заметили, как из-под земли махали лопатами двое молодых ребят. Мощные руки легко ладили с совковыми лопатами, подбрасывая землю так естественно, словно в детской песочнице. До столкновения взглядами я наблюдал за компаньонами, решающими, пить пиво в гараже либо сложиться по несколько песо и пойти таращиться на малолеток в баре Джо. Парни умолкли, разглядывая меня с ног до головы так, что я почувствовал себя одной из тех девиц. Чтобы очутиться у захоронения Адрианы, неминуемо пришлось ссыпать с ботинок немного песка им на головы.

Винсенто перешагнул выступ бетонного цоколя, сделал пару шагов к стеле и заменил цветок в стакане под табличкой. Несмотря на простоту, надпись и гравировка были выскоблены утонченно. Для сеньоры надпись создавал лично Матиас. Дон мог выписать какой угодно узор на любой поверхности, даже пусть инструмент – здоровенный брусок колуна.

– Не благодарят брухо [1] горожане, как видно. Конфеты, финики, да хоть бы сахар кто оставил. Адриана же помогала кому-то? Папа говорил, что колдуны зарабатывают на гаданиях и лечениях. Неужели в Альма де ля Терра одни неблагодарные выродки без памяти? Беспредел!

– А ну, не ругаться!

Слушая меня спиной, Винсенто смахнул с пустого надгробного камня песок и вытащил из мешка кулек риса с авокадо и сладкий дрожжевой хлеб. Распределяя комки слипшегося риса на поверхности плиты, пальцы донна облепились частичками крахмального теста, как у пекаря булочной. Пока я наблюдал за ритуалом, заметил, будто выслуживаю поощрение, задавая вопросы о тете, о судьбе которой прежде не волновался.

– Зря стараешься. Птицы все склюют, – заметил я.

– А ты думаешь, что мне это неизвестно?

Кривя ртом, я собезьянничал: «ТЫ ДУМАЕШЬ, МНЭ-Э ЭТА НЕИЗВЕСТНА-А?»

– Спи спокойно, тетушка. Ты спасала людей... – в параллель слов меня отвлекли голоса. В правом секторе, наискось, могилу убирала большая семья.

– Вот еще, спасти... Помогать можно не только человеку. Порог фермы не обивал народ, мать не врывалась с мольбой спасти ребенка, Адриану не звали в палаты к умирающим, чьи тела бременем обернула кома.

– Она была ленивой Курандеро? – оторопев, я бросил выщипывать траву с изгороди – полезное дело, приставшее к моим рукам непроизвольно.

Винсенто, кряхтя, словно утка, которую пощекотали, тоже ухватился за ограду и проверил надежность.

– Дурачишь меня? Укрывать дар ведуньи все равно, что греть в аду котел. Бог гневается, когда человек не помогает ближнему. Разве Адриана не была доброй и милостивой к чужим страданиям?

– Положим, сеньора бедняге поможет, а за ним потянется второй. Так каждый идиот с насморком дорогу одолжит.

– Люди не столь гадки.

– О-о, эхе-хе. Натуру человеческую и пудом соли не замариновать. Нытьем человек славен. Сколько пустой болтовни, рыданий, страданий – ты прислушайся. Вон, – Винсенто вскинул подбородком в сторону семьи, которая бурно обсуждала стык между усыпальницами. Крыша с соседнего объекта давала небольшую скошенную тень. Более богатый алтарь не давал покоя шестерым родственникам, которые рассуждали о наглости построившего это архитектурное безумие.

– Я хожу на могилу от недели к неделе и каждые семь дней вынужден слушать жалобы на прохладу, которой, кстати, любой здравомыслящий покойник был бы рад.

– Что тебе мешает приходить в другое время?

– Они умудряются являться ровно в тот же час, когда угодно мне. Слава богу, под землей собрана более благодарная публика! Чертовы завистники, – добавил сеньор с более громким посылом. – Данный порок не относится к нашему разговору. Каждый за себя! – командир надлежаще образу безумного затворца вышел из себя. – Посмотри, что ты видишь на табличке?

На то мгновение я уже стоял спиной к могильному фасаду, своим фасадом к солнцу в его самой пламенной стадии, и обернулся, как было прошено, к информации о тетушке.

«Любящая жена моя, спасибо за бесценные годы и мир, который ты привнесла в мою душу». Ниже подпись: «Твой Винсенто».

– Похожую надпись пишет каждый вдовец.

– Приглядиись внимательнее, есть ли на табличке место для еще каких-либо добрых слов?

Немного подумав, не озираясь, я постарался зацепить взгляд за таблички соседних могил, на многих из которых надписей не начертили вовсе.

– Что ты хочешь сказать? Донна Адриана знала о том, что после смерти не получит людской доброй молвы? Разве благо требует ответного блага?

– В испытании своем мы все одиноки. Сеньора была мудрее любого, кого я знал. Она бы не позволила переложить ответственность за невзгоды на свои или чьи-либо другие плечи. Так почему людям не нести свой крест?

– Я ничего не понимаю, сеньор. Это глупость! Сушая глупость. Давай врачам скажем, пусть вытряхивают калек из коек, психиатры пусть освобождают дурдомы, а медсестры, высасывающие кровь из вены и выгребаящие всякие там соскобы, пусть напишут на пробирках и банках зараженным смертельной заразой: «Будь здоров, амиго, не чихай!»

– Дурака не валяй. Надеюсь, тебе никогда не представится случая узнать, какая помощь может исходить от Адрианы.

Оконченный разговор, на самом деле, что-то да открыл. Что бы ни скрывал его рот, старый варан проговорился. Мне. Кривокрылому папоротнику, которому не доверять и тяпки. Предметы казались простыми, а, возможно, таковыми не являлись. Винсенто определенно что-то таит от меня, а глядишь, и от всего города. Почему его замкнуло? Он всегда был ворчуном, любящим одиночество. Но затворничество и тайны... Ох, беспокойно. Винсенто предложил не делать поспешных выводов, пообещав развеять неприятные умозаключения. Ему они почему-то стали важны.

За историей об Адриане – спасительнице сельвы – он предложил вернуться в асьенду, чтобы переждать солнце.

[1] Практикующий колдовство мужчина в Латинской Америке.

Глава 6. Бизоний лес

За разговорами прошла оставшаяся часть дня. Винсенто в подробностях описывал заповедные зеленые места на юго-востоке от Альма де ля Терра. Поначалу рассказ сулил скуку, и, лишь домучившись до конца, я понял, какое понимание хотят внушить его слова. Я солгу, назвав дону хранителем интригующих легенд. Тем не менее не всякому учителю географии дан дар увлечь ребенка забытым, поросшим мхом и забвением болотом.

Пересы, испытывая обыкновенный трепет человека к природе, стремились к сельве. Супруги заводили старый пикап, проезжали 15 миль и уже были в забытом лесу. Однажды кара божья наслала пожары. Жители Альма де ля Терра сочли Адриану повинной в гибели тварей лесных. Люди твердили, что брухо на старости лет свихнулась и послала «кортар-ла-ора» [1] – мощное заклинание, несущее смерть. У культа Санта Муэрте [2] не отыскать угнетающих веру в загробную жизнь, другое дело – одаренные брухо, способные не в свой час в иной мир отправить, а это страшнейшее вмешательство! Кто не страшится оживших духов койотлей [3] и ягуаров? Духи, polegшие красным пламенем, мстительны. Винсенто верил: деревья не полные дураки, чтобы питаться и источать зло, и, разумеется, Адриана не сотворит вредоносное колдовство. Брухо верна закону предков и колдунов, согласно которому животное есть партнер.

Граница прерии и сельвы повелевала сеньоре Адриане и Винсенто обездвиживать технику. Было непростительно вторгаться во владения леса на автомобиле, а ведь через бывшую сельву простиралась старая дорога. К спокойствию Адрианы, мексиканцы предпочитали новую трассу, старым путем не пользовались, да и что там шастать?

Мостовые корневища, непроходимая трава, страшнорылые звери, ядовитые змеи, заболоченный торф у пруда, в сезон дождей удушливый, испаряемый. Джунгли как джунгли. Адриана устремлялась в сердце сельвы с благодарностью: «Высшие покровители мои, племя мое, не дайте расколоть рогатый камень! Он и отец мой, и мать моя. Лесные массивы, наделите силой, я не нарушу законы природы!» Если верить Винсенто, Адриана стала замечать, что ее волосы становились с каждым сеансом длиннее на ладонь, а седина так и не проявилась до самой смерти. Она списывала это феноменальное явление на таланты бизоньего леса и рога того камня, который был ей настолько дорог, что она была готова уничтожить всякого, кто

осквернит этот памятник леса. Винсенто же ссылаясь на биологический фактор, связанный с повышенным содержанием кислорода в естественной среде, а отсутствие седины объяснял неподверженностью Адрианы неврозам.

В 1972 году непривычный для севера зной загубил бизоний лес. Джунгли сторели дотла. Круглолицая вода, столбами окруженная гевеей и кипарисом, словно захлопнутая колодезной крышкой, задохнулась в древесном угле. Дотлевая, деревья падали в пруд, обжигая спокойную гладь. Пепел не растворялся, смола не таяла – флора стерлась. Выпаленный полог занавесил испепеленные тельца обезьян; лесные койоты замерли в движении, родившийся помет и птенцы издали последний истошный зов о помощи. В момент тварь лесная сгинула. Собственно, лишь камень сохранил целостность. Но что с ним может случиться? Камень есть камень. Кто повинен в страшной трагедии? Люди с горечью клеймили Святого Иуду, просили благодати Марии Гваделупской, проливали слезы, чтоб Господь отвел жар от города. Винсенто же верил, что у сельвы есть интеллект. Главным образом природа избавляется от вредителей, способных стать чумой. Наводнения, извержения вулканов – непримиримо жестокие процессы самоочищения. Пожары – это бойкот экосистемы, на пределе терпения. Так распорядилась судьба. Так ее и принимать.

Пересы решили во что бы то ни стало вернуть душу Сакатекасу. Несмотря на требование природы подключиться разумным прямоходящим, мексиканцы протянуть руку помощи не захотели, а город – смешно и грустно – стеснил средства и технику, ссылаясь на отсутствие средств.

Гражданский долг перед человеком Адриана могла нарушить, перед природой – никогда. Мечта вернуть дом животным несостоятельна без помощи. Что же делать? Нельзя терять ни минуты, пока территория не растеряла минеральные вещества. Ситуация близилась к отчаянию. Доходы от фермы окупали бы посевы, но не прибавили бы знаний. Специалисты по верховому пожару, заповеди лесоведения... Проще говоря, дело пахло провалом. Донна Адриана и дон Винсенто решили действовать вслепую, полагаясь на себя и Бога. Само собой, как-то набрался штаб добровольцев в лицах дон Матиаса, ветеринара Карлоса Галлеро и его приютских собак. Сначала ввезли сотни саженцев, выращенных кустарников и деревьев. Привили здоровые ветви к умирающим стволам. Земля была добра, не отторгла растения. Спины собак снарядили двусторонними сумками с семенами, а мужчины вооружились резиновыми мячиками. Игра в мяч, большая пробежка, почесывание за ухом – все, что нужно собаке, а семена и дожди – все, что нужно перерождению леса. Приютские собаки не подозревали о серьезности службы – восемь миль леса оббегали они вдоль и поперек всего за месяц, обыкновенные дворняги проявили себя не хуже борзых.

Иллюзий команда не питала, можно представить удивление и радость, когда сельва проявила волю к жизни. Первыми пришли кроты и полевые мыши, а за грызунами и хищные птицы. Пара крупных грифов совершили разведку еще на седьмой неделе похода спасательной группы – возвращение птиц стало знамением. Несмотря на грандиозную победу, бизонья сельва останется в истории клейменной огнем, а отпечаток языка пламени войдет в вечность новым феноменом. Мертвые следополосы отныне и впредь будут освещать дорогу идущему частичками плавленого торфа.

Через год, ранней весной, родители новой сельвы совершили контрольный рейд. В последнее воскресенье марта тишину разорвал голос Адрианы. Курандеро закричала, ткнув пальцем в небо: «Aplausos» [4]. Значит ли это, что пруд очистился? Вполне возможно. Птица, являющаяся символом чистоты, сулит перемены.

1991 год стал очередным испытанием для владельца фермы. Душа женщины отошла к Богу. Чего стоила Винсенто пережитая боль – известно только ему. От обиды ли на брата, с собственной замкнутости ли, Перес не пригласил на похороны близких, кроме того, более двух

лет скрывал смерть жены. Ни моя мать, ни мой отец, ни я до конца не знаем, была ли кончина вызвана сердечным приступом или тому были другие причины.

***

Мужчина, пересекая зальную, обходил диван и возвращался в кухню, время от времени пряча руки за спиной. Мы оба ожидали разогретый обед. Не ополоснув сковороду с завтрака, Винсенто залил в нее фасолевою похлебку. Кучерявый белок плавал в моей тарелке до самой последней ложки. Винсенто отверг обед в пользу прогулки, на сей раз прекратив ход у окна столовой. Он обратился лицом к свету, а его разомкнутые руки сняли шляпу и положили ее на полотенце подле хлебницы. Голова мексиканца осталась без укрытия. Без сомбреро мужчина казался старше – не таким неприступным, не таким высоким. Я взглянул на холодильник, сравнив дядю с ним, так как высоты были равные. Чтобы устоять перед соблазном заявить о наблюдении, я окунул ложку в суп, подогретый для меня мгновение назад. Винсенто это понял:

– Ешь! – сказал он. – Суп остывает слишком скоро. Слишком скоро... – повторилось с печалью.

Я почувствовал уныние. Стало жаль старика. Жаль, что он уже не молодой, бездетный, и к его завидному состоянию непричастны сын или дочь. Правильнее мужика ненавидеть, чем сидеть и печалиться о поредевшем клоке шевелюры. Я, сглупив, подумал, что Перес мог быть несчастен в первую очередь из-за несуразной головы. Головы-колбы. Однажды я видел, как выдувальщик стекла перестарался и получил одну сторону бутылки шире – лоб Винсенто один в один то безобразие. Будь у меня некрасивая голова, я бы страдал.

– Возможно, твой отец говорил. Я сообщал Роджелайо, что завел собаку.

Как же выходит: о собаке написал, а о смерти жены не обмолвился?

– Говорил, говорил.

– Я нашел ее в том самом лесу, – старый варан разложил на стол приборы для обеда, у тарелки поставил пивной стакан, взял из холодильника жестянку пива и консервированный порубленный перец. Пепельницу отодвинул от солонки, кинул на стол карманные папиросы, легко присел на табурет, показывая, что готов занять место надолго. Если плетеный стул был напротив, то табурет слева – так сеньор держался ближе к моему дыханию. Не приступая к еде и описанию событий, Винсенто присвистнул, повесив руку в воздухе, и под его ладонью тут же очутилась голова ксолоитцкуинтли.

– Охо, хорошая собачка.

Наполнив стакан, родственник собирался преподнести историю о сельве номер два.

1989 год. Аура бизоньего леса нашептывала звуки, передавая сигналы терзания чего-то живого. Чутье подсказывало, что младенец очутился в самой опасной чаще. Оставлен матерью, украден койотом. Порывистое отчаяние рвало горло малыша. Не сходя с торфяной подстилки, исследователь следовал на клик. Чем энергичнее прорубалась выюнкообразная лиана, чем ловчее обступались зачехленные мхом камни, чем удачливее Винсенто пробирался сквозь лопасти геликонии, тем крепче брала его духота. Скоро нотки звуков стали отчетливее, различимее, чтобы понять, что никакого ребенка здесь нет. Койот не губит ребенка, ведь он сам в беде. Тем не лучше. Самая незаметная тварь, борющаяся за жизнь, должна обрести шанс на спасение. Животное есть партнер!

Дон осмотрительно остановился на расстоянии плохой видимости от безопасного, по сути, вороха. Закатав рукава, защитившись перчатками и приготовив аптечку, которую брал с собой с целью предосторожности, он начал практическое исследование. Детеныш зверя без шерсти, с тонкой кожей, с выступающим лбом на поверхности муравейника – вот кто это. Щенок не двигался, дышал тяжело. Плохи были его дела. Тело начало подгнивать и пахнуть скверно, с тушки ссыпались термиты. Бесчисленные букашки окружили тяжелую обувь, носки, некоторые успешно отыскивали кожный покров Винсенто. Одолеть муравьев можно только

одним способом – убраться подальше с их муравейника. Только вот они не желали уползать с покрасневшей слизистой глаз щенка, с его ушей и пасти. Насекомые, похожие на брюхатые бочонки, были бесстрашны. Язык псины рассохнулся, словно вулканически потрескался. Проблемы у него были серьезнее назойливой мелкоты. Язык свисал из пасти куском тряпки. Задние лапы оковал капкан.

Капканы расставляли браконьеры для поимки кабанов и диких антилоп. Колесообразная железка сложилась вдвое, образуя мощные челюсти. Ловушка втиснула клыки намертво. Сколько он мог там пробыть – день, два – больше бы не выжил. Винсенто негодовал, злился: «Куда глядит лесничество штата? Проклятушие души ровно, что живодеры, оставившие здесь капканы».

Думать некогда. Дон снял перчатки, вынул из аптечки сушеные цамикинди [5], засунул кусочек в пасть, вынул из сумки бутылку воды и пустил меж зубов жидкость. Не мешкая, взялся за капкан, велел крепышу терпеть неприятности. Подлая железка спрятала все клыки в тканях бедра. Дядя попытался разжать оковы. От боли щенок завопил, сомкнул пасть, прикусив болтающийся язык. Из пасти пошла кровь. Времени нет. Перес всем туловищем навалился на ловушку, растащив ее в стороны, но самолов был непокорен. Винсенто покрылся синевой, живот свело, пока из последних сил рвал металл. Руки заскользили, капкан почти выскользнул в хлопок. Схождение зубцов прекратило бы мучения жертвы, что, может, для нее и лучше. Но упорство спасателя не бычье. Человек победил капкан – железка сдалась мексиканцу. Детеныш был спасен из западни, и теперь ему предстояло победить смерть.

[1] Укорачивание времени.

[2] Святая Смерть.

[3] Койоты, луговые волки.

[4] Чайка.

[5] Мексиканская основа для снадобья.

Глава 7. Карлос Галлеро. Ветеринар

Ветеринарная клиника находилась в пяти кварталах от асьенды и в 20 футах от федеральной трассы. Винсенто прикинул: путь от сельвы до города составляет 30 минут, путь по городу – минута, но торопливая кровь перепачкала сиденье так, словно времени нет совсем. Надежда исчезает.

Спустя отложенное на спасение время главный и единственный ветеринар лечебницы Карло Галлеро принял пациента и велел мексиканцу ожидать в приемной хирургического блока или идти домой и ждать звонка. Последним, что произнес собачий лекарь, были слова в адрес ассистентки: «Шевелись, оставь карту, и быстро рентген, готовим операцию».

Винсенто остался ожидать приговор, который вынесет ему его друг. За четыре с половиной часа в приемной побывало не так много людей. К полудню, отстукивая каблуком право на внимание, оцепила стойку регистрации нетерпеливая сеньора – своего попугая хозяйка получила от девушки с рентгеном. В коридорах метлой размахивала уборщица; суетился доставщик, рассыпавший короб бинтов и шприцов. Дядя ополоснул руки, выпил отвратительный кофе из автомата, вышел проверить пикап. Тогда, озадаченный бездельем, он не мог припомнить свой визит к стоматологу и теперь в разговоре со мной пообещал себе сделать это. Винсенто пожаловался на состояние здания. В конторах по обслуживанию населения бесперебойное электричество и чистая вода – это чудо. Карлос с трудом находит средства даже на дешевые замки, которые рано или поздно спиливают воры. Перес спонсирует клинику ежегодными пожертвованиями, но, бывая редким гостем, он всякий раз видит клинику, запертую лучиной древесины.

Дядя задремал на кушетке, но его разбудил голос негритянского мальчишки. Малолетний сынок уборщицы болтался в узком коридоре, читая вслух надписи с плакатов: «моче-каменная бо-ле-з-нь ко-шек и со-бак». Старательный голос вытягивал слоги рекламы сухого корма.

Потом появился Карлос. Ветеринар прошел мимо, потрепав мальчонку по курчавой голове. Винсенто уловил в дружелюбном жесте положительные тенденции. Несмотря на то что походка врача выдавала его смертельную усталость, его глаза несли некую томность удовлетворения.

Карлос выразил удивление по поводу терпеливости Винсенто, не придавая значения несентиментальной форме заинтересованности. Дядя спросил, пришел ли Карлос лапы к туловищу – натура Винсенто, хорошо знакомая Карлосу. Галлеро подробно разъяснил порядок дел: переломы подвздошной, седалищной и лонной кости одновременно. Сложная хирургия: тройная остеотомия по изменению геометрии таза. Так увеличивается площадь головки бедренной кости на вертлужную впадину. Операция должна была воссоединить конечности со скелетом, но кости раздроблены.

Перес набрал воздуха в рот, а затем медленно выпустил струю. Давно он не был так растерян. Галлеро же впился черными глазами в моего дядю и не выпускал Винсенто из поля зрения, видимо, чтобы тот не успел договориться со своей совестью.

– Хвост и соединительные ткани способны к регенерации. Бегать и скакать по травке придется на передних лапах. Ну, и со специальной инвалидной коляской.

Заполняя рекомендационный лист по уходу, Карлос сообщил, что собака пробудет в клинике несколько дней. Малышу между тремя и пятью месяцами от роду. Потребуется укол и дорогое обеспечение, но, слава Богу, овощеводы люди небедные.

Карлос посоветовал придумать суке кличку. Пес оказался девочкой породы ксолоитцкуинтли. Давно не приходилось встречать щенка ксоло в этих краях.

Перес потребовал прекратить Галлеро вести диалог таким образом, словно кто-то согласен взять собаку на ферму, но врач проявил характер:

– Аль-патрон возьмет собаку себе. Мой зоопарк укомплектован. Выбор есть у каждого, но почему собака не осталась в лесу? Бог все видит!

Неподготовленные к спору твердят про отсутствие времени и опыта обращения с животными. Винсенто не стал исключением и сам до конца не понимал, как согласился.

– Как же Агате повезло. Я на одной бутылке воды чуть не высох в автобусе, а тут капкан... Счастливая звезда грела собачку, счастливая звезда.

Было за полночь, когда Винсенто решил, что рассказ можно завершать. История меня впечатлила. Усерднее теребя кожаный мешок, состоящий из спящей у моих ног Агаты, я получил замечание, наверняка вызванное ревностью:

– Поласковой, ты! – прорычал дон. – Tia Adriana... Моя Адриана, ты бы любила Агату. Хотелось ободрить дядю:

– Агата – это хорошая замена Адриане! Очень хорошая, – еще не закончив предложение, я понял, какой я невежа. – Не замена... Боже. Собака хороший друг. Легче должно быть с собачкой. С другом же всегда проще. А жену никто не заменит...

– Хватит, Густаво, не трать испанский. Пойдем спать. Тебя ждет кровать.

Глава 8. Друзья

Строгий распорядок дня формировался годами, а я был поселенцем, вплывшим в эту гавань без надежд. Сложнее прочего юный организм откликался на ранние подъемы – около шести утра. Кое-кому время казалось страшно поздним. Петух Какао реализовывал птичьи таланты уже с пяти часов. Его пение будило преступное начало в несовершенно мальчишке. «Ох, какое искушение воспользоваться дядиным ружьем».

«Какой петух не поет поутру?» – возразят некоторые. «А я клянусь, до ружья доберусь!» Птица Педрито – пернатый гад; отчаянный романтический ублюдок. Ревет, словно его вот-вот бросит женщина. «Да, брошенных, как правило, не расстреливают», – думают беззаботные люди, которых никогда не мучал недосып.

На завтрак подавалась кукурузная каша или омлет с кусочками перца и помидор. Я выковыривал гадостный перец и отправлял его под стол – прямо в распахнутую пасть трехлапой

хозяйки поместья. Животное поражало аппетитом и неразборчивостью. Агата грызла и размякшие льняные семечки, и тот же перец. Глупая животина. Но всеядность собаки играла мне на руку. Замечу, у ксоло в миске всегда насыпано сколько-нибудь поприличнее крахмальной жижи. И мясом ее кормили, и кормом. На полке с заварным чаем и льном соседствовали пара мешочков с надписью «Papa regtos» [1]. Лакомство попробовал – не хуже, чем у людей. Запах вяленый, пряный, высвобождает энергию. Пакет был на полке с лечебными снадобьями, значит, не подохну.

До полудня предстояла работа на ферме. Затем плотный обед на прохладной кухне или в саду, под туберозой. Далее свободное время, правда, проводил я его взаперти. В шесть вечера отгрузка, потом чтение, шатание вокруг ближайших домов, слежка за соседями. На закате, сидя в комнате, я мог побыть в тишине и помечать о друзьях. Грусть по обыкновенным вещам нарастала комом обиды на родителей. Едва я подумаю, что они в Нью-Мехико, пусть в заботах и делах, но все же в компании друг друга... Им всегда было, о чем поговорить. Часто о пустом, но говорили! А с кем делиться мыслями мне? Винсенто не кандидат в слушатели. Каждой одинокой ночью я обращался к святым. Разговоры с высшими силами давали надежду на перемены. Простая игра в мяч, обсуждение свежего номера журнала комиксов... Пусть хоть кровавый разбой, драка с кулаками до выбитых зубов, да и любая заварушка преобразила бы существование.

«Клянусь, Боже! Будучи заложником фермы, я приму самого скучного мальчишку в друзья, будто подарок судьбы. Я больше не в состоянии выносить одиночество. Каждый день рабство, а воскресенье и понедельник – выходные, но топить время в тишине еще отвратнее. Дням счет не ведется. Какое сегодня число? 15-е? 20 мая? Не знаю. Я погибну в смертной скуке узником печали и рутины. О, помоги, Всевышний, дай смелости заговорить с соседскими ребятами. Куст помидоров – гори трижды в остром кетчупе!»

Сборка паразитов, поливка, подвязывание кустов, пасынки, сорняки... Я устал. Однажды вместо сочувствия мексиканец схватился за ведро и плеснул из него мне в лицо. Ледяная вода врезалась пощечиной. Тяжелые капли, падая с ресниц, застилали глаза водой, и я не смог разглядеть того, что было написано на физиономии Переса. Давясь водой, я пожаловался на застой в ушах и удушье в воротнике. Футболка присосалась к телу, как большой охлажденный горчичник. Оттянув вырез стрейчевой горловины, я подставился. Винсенто снял с гвоздя овечьи ножницы, и, обуянный дьяволом, прошелся по тряпке – тряпкой он назначил мою любимую футболку. Мой товарищ Эрнесто хотел точно такую же, но носил ее я. Этот старый блуждающий нерв прошелся острым сердцевидным болтом ножниц по рисунку молнии, что удачно расположилась по центру груди, совершенно случайно не лишив меня жизни.

– Теперь, я вижу, ты бодр, – с удовлетворением сказал мучитель.

Я не оказался достаточно смелым, чтобы отразить первое преступление огородника с топором. Трусость продает мою душу в рабство.

Я стыдился, что не испытал достаточно ненависти, прощаясь с имиджем зеленоволосого хоррор-панка. Методы старика были изощренней текста песен любимых мною Misfits. Мечь. Мечь. Мечь. Будет готовиться депеша родителям. Я старательно вырисовывал букву за буквой, обводил их дважды жирной пастой в надежде, что слова нальются всеми терзаниями и родители распознают в эпистолярных страданиях собственную непростительную ошибку. «Мама и папа, – излагал я, сидя на широком окне своей комнаты и в то же время на единственном клочке свободы, – когда вы звоните, я говорю вам ложь. Я слышу мамин вздох, и он странным образом останавливает во мне порыв к побегу. Блуждающая тень Винсенто контролирует каждую секунду. Не дай бог, я проговорю лишнее сентаво... Нет. Это надо остановить. Пока письмо идет, я продержусь, но как получите – забирайте меня без очереди... А сейчас извините, кто-то шумит». Писать о шуме не планировалось, просто мысли шли рекой.

Письмо я спрятал под матрас с последующими планами внести туда новый донос, а затем пошел на звук справа по стене – шумы шли с пристройки. Должно быть, ветер колышет шкуру бизона. В надежде успокоить разум я убедил себя, что в доме Пересов привидений и духов нет. Ради успокоения и безопасности на всякий случай мною было произнесено: «Не подумайте, духи, я вас уважаю и не против поболтать! Но не могли бы вы на время моего пребывания в доме убраться в лес!»

***

Прошло еще шесть дней. Я стал опасаться, захотят ли местные принять дружбу. Чем больше затягивал, тем основательней укоренялось во мне отчуждение. Обособленное поведение дядюшки и его внутренняя сытость обществом передавали настроение. Обеспокоенный черствостью его характера, теперь я и сам черствел. Но, постойте-ка, сколько я здесь? Вечность. Без телевизора, без баскетбола. Без Эрнесто... Эрнесто, товарищ и сосед, как ты там? На что тратишь время, отведенное для наших прогулок вдоль канализационного пути? Эрнесто – осьминог. Морской спрут. Не в смысле, что у него щупальца и голова с ядерный гриб, а в смысле, что мальчик очень любит этих нелепых морских животных. Пусть паренек-естествовед не играл в слепого петуха, в тимбомбу и в удар лодки, зато он был рядом и рассказывал разные факты об осьминогах.

Неизвестно, сколько вечеров еще я бы подглядывал за жизнью деревенских из окна, если бы однажды вопрос социализации не разрешился сам собой.

Дядя и я пошли в супермаркет «Продуктос» – самый крупный супермаркет в округе через дорогу. Грязный местечковый магазин, где никогда нет никаких детских товаров из рекламы (разве что кока-кола). Со входа соскальзывают мокрые дверные ручки, подошва сандалий от газировки липнет к полу, а на прилавках то пусто, то густо. В отделе молочки пара помятых банок с йогуртом и молоком; на кафеле две кучи: одна с сахаром, другая с картофелем, и обе высотой со стеллаж с хлопьями, до которых я никогда не могу дотянуться без посторонней помощи. Два подсобных рабочих спрятались на стыке двух рядов, под елочкой из вздутых упаковок кукурузы. Сотрудники выясняли, какой бес заставил управляющего заказать еще десять упаковок рафинада. Кассиры ленивые, но всегда готовы отдать радость улыбкой и шуткой. Наиболее выразительна любовь к детям. Одна старушка каждому мальчишке и девчонке говорит: «Держи, мой свет. Да, мой ангел. Вот чек, моя любовь!» В остальном... почти всегда несвежий хлеб, неизменно свеж лишь выпуск утренней газеты, что уже неплохо. Газеты располагались в самом последнем зале – между стеллажом бытовой химии и непопулярным товаром: шампунями для детей и книгами. В магазине было мало людей, и лишь одна моложавая сеньора скандалила. Кассиры, успокаивая, называли ее Розой.

– Ваши овощи, – вопила она, – захлебываются в собственной пене гнилья!

Однако примечательным для меня был странный мужчина с суженными чертами лица. Он ожидал пустые коробки от складского служащего. Пока служащий складывал картон, остролицый листал послунявленным пальцем газету со стеллажа, но не читал, глазел куда-то в сторону. Остальные посетители хватали чтиво и относили свежий выпуск на кассу. Эль патрон (так однажды назвал дона Педрито) последовал примеру покупателей. Мы покинули магазин с несколькими килограммами мяса, пакетом соли, двумя коробками спичек и свежим номером газеты. На улице было несколько жарко. Сеньор озадачил меня потоком наказаний о географии, об особо важных культурных и муниципальных местах, которые мне посещать не следует:

– Имей в виду и усвой, – прямо у дороги, едва оглядевшись по сторонам, Винсенто начал серьезный разговор, который был куда опаснее, чем эта дорога, – попадешь в полицейский участок, или в бар-бильярдную Джо, или же на кладбище животных, выбирайся своими мозгами, своими ногами. Впрягаться за кого-либо я не собираюсь, впрочем, как и следить за каждым

твоим шагом. Все, что ты делаешь в свободное от работы на ферме время, меня не касается. Двери в дом я запираю в десять часов вечера, поэтому ломись, не ломись – не отопру. Усвоено?

– Чего ты на меня взъелся? – негодовал я.

– Ворчливая тетка. Кормилица одного проходимца. Остерегайся семейки Вилабла.

Дядя еще сколько-то ловил странствующий на моем лице взгляд, затем выпрямился, спрятал под верхнюю одежду пакет с пятью кило телятины и шагнул на дорогу.

– Стой! – прямо посередине не разделенного на полосы асфальта я задержался и задержал своего спутника:

– А если не в бильярдную Джо, если в другой бар?

Винсенто не ответил мне, отвернувшись, и продолжил путь, показав, что я остановил его зря.

– Другого здесь нет.

Танцевальная площадка, кладбище, рынок и здание суда уходят в южную часть, куда не стоит и лезть, а то убьют. Действительно, погибнуть в Мексике – это не проблема. Лучше не совать нос в чужие районы. Послушать хотя бы приемник – он честно передавал секреты полиции. С рассветом и каждый час выходят новости. Судья города с величием и бахвальством держал слово перед губернатором штата.

– После введенного закона, запрещающего преступления, – уверял он министерство, как бы с надеждой смотря в будущее, – преступность в Альма де ля Терра снизилась до рекордно низких показателей: всего пять грабежей за год, одна преступная смерть и нулевой показатель насилия над женщинами. Имеем те же данные касемо незаконного оборота наркотиков.

Все утро я ломал голову, как же судья смог вырвать корень зла наставлением. Не прошло и часа, как патрульное оповещение прервало радиоволну женским боевым голосом, рвавшимся сквозь помехи:

– Диспетчерская! Прием, прием! – приятный тембр, четкая речь и дикция.

На сей раз у домохозяйки украли поросенка. Дядя сказал, что животных похищают мясники. Наверняка те же люди крадут животину у ветеринара Карлоса. С этих пор многие животноводы стали держать скот на цепях, в том числе поросят, индюшек и кур.

Во время прослушивания радио Винсенто опомнился, что забыл купить сигареты. Вручив пару песо, он отправил меня обратно.

На кассе тщательно выбирал жвачку взбитый смуглый мальчишка под широкой белой панамой и с неуклюжей косолапой ногой. В его руке к тому времени были развесные пакеты с мукой и рисом. Мальчик метался: драже или все-таки пластинки. Выбор затянулся, поэтому вмешался кассир:

– Что на этот раз, моя любовь? Может быть, цитрусовую? Новинка.

– Новинка дороже?

– Всего на одно сентаво.

Выбор пал на жвачку с более низкими ценовыми характеристиками.

Мне показалось, что это был Хосе-Вито Корнелиус, но подойти я не решился, о чем со всем сожалением отругал себя: «Так и лето пропадет – в одиночестве!» Сегодня вечером обязательно приду на порог Корнелиусов.

Но этого не случилось. Долгие уговоры не помогли, и я продлил свое одиночество на неопределенное время. Скромный и крохотный дом Хосе-Вито был где-то недалеко, позади супермаркета. И я мог его найти. Что же я?!

Весь день я маялся, нес чепуху и бред в адрес Агаты. Собака не осуждала. Стоит ли проводить все время с товарищем, который благодаря преданности не замечает испанского бреда? И да, и нет.

Следующий день я выгуливал Аги у случайных окон в надежде стать замеченным, но меня замечали лишь недовольные сеньоры, а точнее, не меня, а собаку, которая рыла ямы на их

территории. Позже я понял – ксоло охотится на кротов. В Альма де ля Терра, видимо, кротов море. В какой-то момент я оставил попытки найти друзей. Я убедил себя, что может быть хорошо и в компании зверья. Ну и пусть, что в конце концов любой в одиночестве научится понимать собачий.

С утра одно и то же – обеспечить завтраком себя и хозяйку фермы. Сеньор всегда опережал меня побегом на поле, потому я не знал, чем он питает тело. Возможно, ничем. Несколько минут с утра дом был в моем распоряжении. Даже если просыпался рано, я не торопился спускаться. Правда, Агата меня сдавала: громким тьяканьем ксоло встречала мое пробуждение, зазывая по собачьим делам. Зато эта животное любит выполнять команды. Когда я впервые додумался сказать «захлопнись», собачка приняла приказ буквально – беззвучно хлопала пастью. Теперь всегда Аги помалкивала, если приезжему хозяину требовалось спокойно полежать или пробраться вниз попить воды.

Сегодня я предложил собаке попробовать зубную пасту. Выдавив из тюбика горошину, я направил струю собаке в открытый рот. Агата захлопнула пасть и зацокала челюстью, как трещотка. От нового вкуса собаку скривило. Она начала трясти черепом, словно на ее голову был натянут узкий пакет. Я хохотал. Нелепые движения привели животное к безвыходному положению. Откинув голову назад, Агата плюхнулась на мокрый пол таким образом, что задняя лапа штыком задралась к чавкалке.

– Вот умора, – смеялся я и не торопился прекратить муки. Я знал, что пара глотков воды – и свежая вязкость во рту исчезнет. Может, незатейливое хулиганство заставит пересмотреть взгляды Агаты на любовь к моей еде.

Вопреки велению старого варана, Агату я таскал вниз по лестнице на своих руках. Спустившись к холодильнику, я выбрал из глубины конскую колбасу и усохший сыр. Агата поймала на лету нарезанный сет, но вкус, очевидно, не тот, что раньше. От сыра отказалась, сплюнув его на пол, а вот колбасу схватила и унесла в неизвестность. Вернулась слишком быстро.

– Паршивица, куда ты припрятала еду? – спросил я, но не получил ответа.

К полудню мы пошли искать самую красивую волнистую палку. Прямые и толстые нам не нравились. Палка должна быть с гладкой корой, в меру тяжелая. Два часа кряду мы бродили по закоулкам, нашли более-менее подходящую под Ситроеном, но палка отдавала бензином. Плюнув на все, мы вернулись на ферму. Я очень хотел писать, и, не найдя ключи, я прошел во двор и сделал это прямо в саду, на душевую. Я почти уверен, что был замечен соседом Педрито. Мужик, в конце концов, должен понять!

Целясь струей в массив постройки, я увидел торчащую за рулоном пленки палку. Даже не застегнув ширинку и споткнувшись о шнурки, которые вечно развязывались, я удержался на весу и теперь спокойнее подошел к полиэтилену и расчистил путь. Там меня ждал бобровый холм из правильных веток. Это самая большая коллекция палок. Я всерьез обиделся и сделал собаке морду. Обманщица. Позже выяснится, что привычки собака переняла у соседа-бархольщика. Мне оставалось изучить несколько углов в доме: комнату Винсенто, в которую я надеялся проникнуть, когда тот поедет на очередной симпозиум или выставку; темный чулан; хозяйственное крыло, сад... «И зачем мне друзья? ВАон сколько дел». Служит ли неизученное жилье утешением?

Подвинув мешок с опилками, я наткнулся на инвалидную коляску для собаки. Она представляла собой ролик из двух колес диагональю дюймов в восемь и узкий фиксатор тела из мешковины. Подозвав собаку, я решил запрячь Агату и побегать с ней наперегонки. Действительно ли так неудобно гулять на колесах, как утверждает эль патрон? Агата послушно примерила на себя мешок, который с трудом налез на ее сытое брюхо. Собака осмотрелась и с недоумением взглянула на мое азартное лицо. Новая опора должна хоть как-то разгрузить хоть и сильные, но усталые лапы. Упряжка с животным не двинулась с места. Я подтолкнул Агату ногой, но она, как и прежде, отказывалась идти. Тогда я начал скакать вокруг нее, но лишь

когда я побежал, инстинкт собаки двинул ее с мертвой точки. Колеса скрипели, гремели, крутятся и выписывая знак бесконечности. Я видел, с каким неудобством ксоло тащит тележку. Мне предпочтительнее видеть собаку-инвалида в коляске, да я и сам бы прокатился на чем-нибудь подобном. Сделав несколько кругов вокруг дома, Агата перекусила застежку тележки и каким-то образом избавилась от ортопедической помощи.

– Дурня безмозглая, – злился я. – Ай, вот мне б такую штуку на колесах!

Недолго думая, я поставил ногу на перекладину меж колес и прокатил ее из стороны в сторону, как ролик. Не убиться бы. Здравый смысл, прощай. Оттолкнувшись посильнее, я катнулся вперед и проехал чуть дальше носа. Тело шатнуло, и корпус увлекся вперед за притяжением земли. Я шлепнулся на землю, поцарапав нос.

Агата подрабатывала на асьенде сортировщиком мусора и получше меня разбиралась в отходах. На участке у дяди работают все – от собак до маленьких мальчиков. Днем собаки почти не едят, много пьют и валяются на траве. Сегодня Агата требовала ласки, ей охота играть с утра до вечера. Я рассказывал ей о том, что некоторым собакам живется туго, что одних собак съедают вместе с хвостом, другие одиноко шатаются по миру, а третьи сидят на цепи. Потом я подумал, что я тоже одинокая собака, но даже собаки не страдают от своего одиночества так, как я. Затем мы пошли на поле ловить кротов. Мне было страшно, когда дядя сказал, что изготавливает удобрение из пепла этих животных. Непонятно, с чем связан открытый живодерский интерес увидеть Агату с кротом в зубах. Было бы большой удачей застать то, как собака ловит крота. Замирая над жертвой, ксоло ныряет головой в логово. Кроты проворные, у них отличный слух. Я увидел голову крота – юркую бурю меховую головешку с тупыми глазами-гвоздиками. У этих животных подземная система. Я бы хотел провести под землей хоть денек.

***

Ночью сеньор Перес привел какую-то сеньору. Прежде мне было жаль, что с уходом жены в иной мир Винсенто приходится жить в одиночестве и что никакая женщина не согревает его дом. Но как только случилось его счастье, я глубоко оскорбился. Как же можно предать память любимой жены? Меня никогда не оставляла мысль, что умершая хозяйка не спешит покидать дом и в то же время путешествует в загробном мире – она живет на два государства. Приводить потаскуху – все равно что отрицать дух. Голос говорил, пресекался, снова говорил. Для себя я решил, что женщина весьма неприятная. Нависая с высоты лестницы, я ждал, когда болтушка покинет комнату первого этажа, но и спустя час этого не случилось. Проснулся я в своей постели со странным ощущением стеснения, переживая, что чужачка поднимется и заговорит со мной. Что, если я спущусь, а она еще там? Опасения не подтвердились. Первый этаж был самым собой – убранным, сдержанным, без гостей. В следующие дни никто не приходил, и я засомневался в реальности существования женщины.

***

Самый ярый приверженец одиночества так или иначе имеет связь с кем-то из людей или духов или же, в конце концов, разговаривает сам с собой. Стало быть, друг нужен каждому. 28 мая с ватными от предстоящей встречи ногами я решился отыскать дом Хосе-Вито. Следуя за загубленной стелькой гористой тропы, вглубь на юго-запад от авениды, можно ощутить ускользание благополучия. Грязные фавелы нищего характера, заселенные простыми рабочими и немощными мексиканцами. В трущобной половине Мехико встречается типовое жилье для бедных. Ситуация в Альма де ля Терра несколько печальнее: лачуги ниже и теснее, смрад тяжел и чувствительным несносен. Опасаясь сложностей, которые могут возникнуть у юного чиланго [2], я шел быстро и не смотрел по сторонам. Прогулка становилась душной. По спине тек пот, точно от прелой турецкой бани. Виной было непростиранное белье, оформленное на окнах шторой с падугой из носков.

От дяди я узнал, что дом мальчика расположен на канализационном колодце. Он заявил, что я без труда узнаю место – самый крупный узел городских сливов. Водный комитет позволил Корнелиусам избежать оплату коммунальных услуг из-за неудобств, связанных с запахом и с проведением ежеквартальных осмотров колодца. Удачным обстоятельством для отца Хосе-Вито стала авария в Гвадалахаре. По вине нефтяной корпорации произошел взрыв канализационной системы. В том же 1992 году повредился колодец Икера Корнелиуса. Затребовав у Хунта [3] компенсацию, пострадавший, по справедливости, ее получил. Эти деньги могли улучшить жилище скаредного Корнелиуса, избавив его от статуса нищего, но тот попросту спустил все на текилу. Вот и стоит сейчас передо мной, мягко говоря, скромная хижина. Я был рад, что со скитаниями покончено. Дом Хосе-Вито Корнелиуса – это вторичный кирпич с облицовкой металлическим штакетником и с выходящей из земли вертикалью трубы. Привлекательным из увиденного может показаться пальма, прильнувшая к колодцу нечистот. Ствол дерева истерзал нож, глубокие отметки вели какой-то счет, а перетянутая тройная проволока с придушенной за горло игрушкой слоника рекомендовала поскорее убраться с улицы.

Я постучал, и мне тут же открыли. Упитанный мальчик в одежде свободного размера держал на руках трехшерстного кота, который грыз мыша.

– Жирный, – сказал я первое, что пришло в голову.

– Это ты о чем? – с недоверием отстранился толстяк. Без сомнения, передо мной стоял Хосе-Вито.

– Котяра мышь поймал здоровую.

Хосе-Вито вышвырнул кота.

– Ты приехал на лето? – мальчик говорил обыденно, словно мы виделись вчера.

– Да. Я уже несколько недель здесь, вот решил зайти.

– Знаю, сколько ты здесь, – мальчик подбежал к коту и извинительно погладил его по голове. – Я видел тебя в магазине. Я поздоровался, а ты отвернулся.

– О, правда? Извини, я не заметил. Я увидел тебя только на кассе, и ты уже уходил...

– Неужели?! – радостно воскликнул толстяк и, бросив кота, налетел с объятиями. – Я рад, Густаво, очень рад твоему приезду. Бернардо помнишь? Он уезжал в Америку к отцу, правда, всего на пару недель. Здесь столько всего произошло: часовню покрасили, прачечная сгорела, – Хосе-Вито улыбчиво ждал отклика, а я ждал развернутых новостей. И не дождался.

– О, да, прачечная. Дядя предупредил. – Побелка и постирка – это первое, что пришло ему в голову, когда он увидел меня? – Видишь, и ты о ней вспомнил. Я что, пахну порошком? – я понюхал себя, как пес, и это подняло настроение давнишнему другу.

– Ха-ха. Смешной ты. Хочешь, я вынесу тебе кусочек пиццы?

Предложение заманчивое. Кто же отказывается от пиццы?

– О, Хосе-Вито, спасибо, не откажусь.

Через минуту мы шагали по улице, пережевывая пиццу без сыра. Я не решился спросить, почему в пицце нет главного ингредиента, да и вообще – на вкус тесто было жутко сухое. Ну да бог с ним.

Паренок вырос, растолстел. Его грудничковое лицо растянулось, он стал более волосатым и ушастым; Хосе имеет повадку матери стягивать правый уголок рта, смещая воздушный шар щеки, и носит тяжелую обувь отца, волоча один башмак немного позади, в остальном же мальчик представился прежним ребенком. Непреодолимая тяга посвятить Хосе-Вито во все свои дела овладела мной. Кажется, и он хотел услышать события большого города. Доверием Хосе смог освободить меня. И чего я боялся? Надеюсь, Бернардо тоже будет в расположении вновь познакомиться.

Бернардо Даллес жил в самом центре, позади городских достопримечательностей, вблизи торгового центра Пума Пункту, по правую руку от библиотеки и церкви имени мексиканского кардинала Хосе Гариби-и-Ривера. Архитектурный ансамбль стоит на каменной кладке, а при-

мыкающие, самовольно установленные рыночные палатки были на голой земле. Естественные потребности вытеснили стремление к благоустройству. Образцовая кладка черепицы – это хорошо, но кладка свежей капусты и прочной обуви – тоже.

На площади толпились туристы из Хереса-де-Гарсии. Томясь на островке зелени с монетами, прежде прощания с кровными песо зеваки изучали печатный рисунок, купленный на сброс в питьевой фонтанчик в обмен на загаданное желание.

Хосе-Вито заприметил знакомое лицо. Владелец лавочки, Хольгер Аранья, продавал монеты туристам и кланялся католической церкви после каждой проданной монеты. Анайели, жена дона Серебро, молится Святой Смерти. Говорят, Хольгер заплатил за удачу в бизнесе мужской силой. О неспособности возлюбить супругу Анайели оповестила всех подруг, а те уж постарались убедить и весь город. В юности Хольгер со всей страстью предавался ласкам с супругой, что также знал весь город. Еще бы – живой эротический сериал Альма де ля Терра из первых уст. О! Какие подробности вскроются в этой истории позднее...

Возвращаясь к прогулке: если мерить Альма де ля Терра по карте, то удастся пройти город за четыре часа неспешной ходьбы. Берите в учет – малую мексиканскую землю принято отсчитывать от кипариса Сельвы де Мусго до порога асьенды судьи Эдуардо Гансалеса.

Славно идти с ровесником по забытым местам. Солнце не душит жарой, заблудший ветер тает на горячих плечах и хулиганисто ворошится под рубашками, превращая одежду в парус. Нам с Хосе-Вито это нравится, только он радуется ветру, а я загнипнотизирован слипшимися фиолетовыми складками, что висят в тоннеле укороченного рукава просторной сорочки паренька. «Пролежни. Жуткие стариковские пролежни». Подступает изжога, а изжогой я не страдаю. «Прям мертвецки стариковские подмышки!» Хосе-Вито, верно, с кровати месяцами не встает – такая дряхлая плоть. Мельком я разглядываю всего Хосе-Вито. Он идет неуклюжим медведем: спина сгорблена, пухленький подбородок шмякается о шею. Бросаю взгляд на обувь и вижу, как скрюченные пальцы взгромождаются друг на друга, изо всех сил стараясь поместиться в достаточно просторные хуараче. Шнуровая косичка из коры дерева на хуараче расползается, а кожа тестом просачивается меж клеточного узора. Хосе бесконечное количество раз перевязывает сандалии, поскольку те без перешнуровки норовят прильнуть тяжелой резиновой подошвой к земле. Я еще задам вопросы. Много вопросов. Сейчас мальчик так просто-душен, так беззаботно весел... Любопытство подождет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.